

Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 51-77.

Chafe W. Discourse, consciousness and time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: University Of Chicago Press, 1994. 327 p.

Racheva A.A. (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

**COGNITIVE PROCESSES THAT DETERMINE
THE FUNCTIONING OF DEICTIC UNITS
WITH SPATIAL SEMANTICS IN ORAL DISCOURSE**

The study focuses on the discursive functions of deictic units with spatial semantics of 'VOT' (HERE), 'ETOT' (THIS) and 'TUT/TAM' (HERE/THERE) in a cognitive perspective. Correlation is established between the usage of deictic units in certain functions in oral narrative discourse and cognitive processes behind it.

Key words: oral discourse, oral speech, cognitive processes, discursive markers, deictic units.

Т.В. Романова, А.С. Гвоздева (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
tromanova@hse.ru
alengvozdeva@gmail.com

**КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА
НАЗВАНИЙ КАРТИН А.Н. ЮРКОВА**

Публикация отражает результат исследования когнитивных механизмов формирования смысла названия картин нижегородского художника А.Н. Юркова. Рассматривается роль приёмов языковой игры в оперировании когнитивными структурами, участвующими в процессе ассоциативного мышления.

Ключевые слова: когнитивный механизм формирования смысла, ассоциация, языковая игра.

Предметом нашего исследования являются способы формирования смысла названий картин уникального мастера флорийской мозаики (уникальная техника создания картин только при помощи клея и растительных материалов: кусочков листьев деревьев, травинок, скорлупы орехов и пр.) [<https://kudago.com/nnv/place/galereya-yurkovka/>] нижегородца А.Н. Юркова. Среди когнитивных механизмов формирования смысла указывают профилирование, конкретизацию, изменение области концептуализации, концептуальное сравнение, интерференцию, концептуальную метафору, метонимию, интеграцию и др. [Болдырев 2009]. Интерес к теме обусловлен неординарностью названий картин художника – семантически ёмких мини-текстов, когнитивным механизмом создания которых, как правило, является интерференция (ассоциация, аллюзия, прецедентность), имеющая своей основой различные принципы и приёмы языковой игры (ЯИ). Цель исследования – раскрытие этого механизма через лингвистический анализ ЯИ, использованной в названиях картин А.Н. Юркова, и выявление особенностей ЯИ в её смыслообразующей функции.

В качестве материала для исследования были отобраны названия 24 картин, смысл которых формируется с использованием различных приёмов ЯИ. Источником материала послужили экспозиция галереи «Юрковка» в Нижнем Новгороде, а также репродукции произведений, опубликованные в интернет-архиве сайта «Юрковка» [<https://sites.google.com/site/urkovka52/gallery>] и в двух художественных альбомах [Юрков 2011, 2013]. Произведения А.Н. Юркова следует отнести к разновидности поликодовых текстов, так как их смысл формируется в единстве декодирования изобразительного и языкового знака. Поликодовый текст А.Г. Сонин определяет как «специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [Сонин 2006].

С когнитивной точки зрения ключевое понятие исследования, ЯИ, «представляет собой ментальную деятельность по оперированию когнитивными структурами (концепты, фреймы, когнитивные стереотипы)» [Журавлёва 2002: <http://libed.ru/knigi-nauka/>].

Т.А. Гридина использует понятие лингвокреативного мышления как вида словесного (вербального) мышления человека, которое подчиняет-

ся законам функционирования языкового знака. Результатом такого мышления и является ЯИ – ломка в речи стандартных языковых форм на всех уровнях. По мнению автора, ЯИ базируется на реализации ассоциативного потенциала слова, представляемого как ассоциативная валентность знака и «совокупность реакций на словесный стимул, которые могут возникать в сознании носителей определённого языка и культуры» [Гридина 2016: 60]. В процессе создания и понимания ЯИ лингвокреативное мышление включает языковые знаки в новый контекст. ЯИ предполагает вариабельность ассоциативных контекстов языковых и текстовых знаков в различных ситуациях. В работах Т.А. Гридиной систематизирована также операциональная сторона ЯИ, дана характеристика и классификация механизмов и приёмов создания ЯИ, раскрыта ассоциативная природа ЯИ, основанная на ассоциативном потенциале слова.

В названиях картин А.Н. Юркова преобладает семантический тип ассоциирования, предполагающий обращение к малочастотным, индивидуальным проявлениям реакций. Источником формирования смысла при этом являются конкретно-чувственный опыт, общий культурный фон.

В процессе анализа были выявлены языковые средства и речевые приемы ЯИ, задействованные в формировании смысла названий картин. Средства и приёмы сгруппированы в соответствии с классификацией конструктивных принципов, сформулированных Т.А. Гридиной.

Принципы	Использующиеся приемы
Ассоциативная интеграция совмещение значения и формы ассоциатов	Контаминация
Ассоциативное наложение моделирование контекста, в котором один ассоциат обыгрывается на фоне другого	Обыгрывание омонимии и полисемии слова; одновременная актуализация прямого и переносного смысла слова, создание двуплановости содержания
Ассоциативная провокация несоответствие речевого прогноза употребления этого слова и реализации этого прогноза, вызывает эффект неожиданности	Применение метонимии и аллюзии

Ассоциативная выводимость осмысление слова как элемента, зависящего от устанавливаемой мотивационной связи	Графическое выделение значимой морфемы слова, создание игровых морфодериватов
Ассоциативное отождествление игровая идентификация, заключающаяся в подмене референта	Графическое членение слов, устранение интервалов между словами с созданием омофонов-парономазов
Ассоциативная имитация воспроизведение отклонения от нормы в речи, пародирование, звукоподражательная мотивация	Имитация речевых ошибок, графическое членение слов с целью повышения фоносемантики

Приведем конкретные примеры.

● **Ассоциативная интеграция.** Типичный для данного принципа прием контаминации наблюдается в названии картины «Коньфликт». Два коня «выясняют отношения». ЯИ проявляется на фонетическом и словообразовательном уровнях: окказиональное слово *коньфликт* как результат контаминации слов *конь* и *конфликт*.

- По принципу **ассоциативной провокации** осуществляется ЯИ в названии картины «Понаехали тут...». Распространенное выражение, используемое столичными/местными жителями по отношению к провинциалам/чужим и имеющее негативную коннотацию. «Местные» здесь – пара гусей на первом плане, остальные – «понаехали» и нарушают гусиный покой. Комический эффект достигается ЯИ на лексическом уровне. Чаще всего смысл названия картин А.Н. Юркова базируется на многозначности слова, что усиливает его семантическую нагрузку.
- ЯИ в названии «Стоки в истоки» создается по принципу **ассоциативного наложения**. Грязная речка, скучный городской пейзаж и сточная труба, выведенная к воде. Художник обыгрывает омофонию и рифмовку (фонетический уровень), а также употребляет слово *стоки* в прямом значении, а слово *истоки* в прямом и переносном ('природное начало') значениях, что создаёт ассоциативную неоднозначность на лексическом уровне. Таким образом, смысл названия картины можно интерпретировать как 'загрязнение, уничтожение истоков того, что наполняет нашу жизнь'.
- Принцип **ассоциативной выводимости** наблюдается в ЯИ, используемой в названии «Вот мы заБЛУДились»: приём выделения

значимой морфемы в роли самостоятельного слова *блуд*, указывающего на запретную, грешную любовь (морфологический и графический уровни языка). Акцентируется и двусмысленность исходного слова *заблудились*: видно, что пара не в дремучем лесу, а на берегу реки, поэтому имеется в виду, скорее, не прямое значение слова *заблудились* – ‘потерялись’, а значение ‘запутались, нагрелись’ (лексический уровень).

- Принцип **ассоциативного отождествления** можно проиллюстрировать на примере названия «Продам сто-га», где применён приём членения слов с целью отождествления сегментов слов с самостоятельными лексемами (графический уровень). Два неказистых стожка сена, кое-как огороженных на опушке леса. Слово *стога* разделено на две части, и текст названия в противоречие изображению сообщает о продаже ста гектаров земли.
- Принцип **ассоциативной имитации** наблюдается в звукоподражательной мотивации названия «Там клю-ква» (фонетический и графический уровни). Ничем не примечательное болото с деревянным настилом на первом плане картины. Разделение дефисом слова *клюква* повышает его ассоциативный потенциал, его фоносемантику. Сегменты слова приносят ассоциации по фонетическому сходству: *ква* – это лягушки в болоте, *клю* – это и *клювы* диких уток, и *клю-клю* – звук воды под мостиком, когда по нему идут.

Итак, названия картин А.Н. Юркова демонстрируют смыслообразующую функцию феномена ЯИ и ассоциативную природу формирования смысла. Особенностью ЯИ у А.Н. Юркова является употребление многозначных и узуальных языковых форм; наложение или контрастное использование семантики вербальной и изобразительной составляющих. Ассоциативный потенциал названия реализуется только в единстве двух кодов: языкового и изобразительного.

Литература

Болдырев Н.Н. Форматы знания в языке и методы их исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 57-77.

Гридина Т.А. Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря. // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке:

материалы докладов и сообщений Международной научной конференции 28-30 сентября 2016 г. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 56-69.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 06.11.2017).

Журавлева О.В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/> (дата обращения: 11.12.2017).

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 10.11.2017).

Юрков А.Н. Флорийская мозаика. Фоторепродукции. Нижний Новгород. 2011, 2013.

<https://kudago.com/nnv/place/galereya-yurkovka/>.

<https://sites.google.com/site/urkovka52/gallery>.

T.V. Romanova, A.S. Gvozdeva (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research University

«Higher School of Economics»

tromanova@hse.ru

alengvozdeva@gmail.com

COGNITIVE MECHANISM FOR FORMING THE SENSE OF NAMES OF PICTURES BY A.N. YURKOV

The publication speaks about the study reflecting the cognitive mechanisms for the formation of the meaning of the paintings' name by Nizhny Novgorod artist A.N. Yurkov. The role of the language game in dealing with cognitive structures participating in the associative thinking is considered.

Key words: cognitive mechanism of sense formation, association, language game.

*Е.И. Саксин (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
egorsaksin@rambler.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ЧАКА ПАЛАНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БОЙЦОВСКИЙ КЛУБ» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматривается специфический язык творчества Чака Паланика и вопрос точности переводов романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» на русский язык Ильёй Кормильцевым и Алексеем Егоренковым.

Ключевые слова: Чак Паланик, язык, мышление, сленг, текст, перевод, минимализм, проза.

Чак Паланик – один из самых читаемых и противоречивых писателей современности. Трансгрессивная и минималистичная проза Ч. Паланика по своей провокационной стилистике близка к творчеству Ирвина Уэлша и Истона Эллиса. Критики писателя усматривают в лаконичности форм, используемых Палаником, бедность языка и ограниченность идей. Однако с этим трудно согласиться, так как в книгах писателя поднимаются важные философские вопросы: Что есть человек? Есть ли он только порочная копия Бога? Всегда ли Иисус был хорошим или какое-то время и он был плохим? Что же касается лексической составляющей романов Паланика, здесь стоит сказать прежде всего о том, что Паланик использует специфическую лексику: от профессионального сленга до жаргонизмов американской разговорной речи. О важности этих приёмов Паланик пишет в своих «36 эссе о литературном мастерстве» [Palahniuk. Topic One].

Данные особенности стиля произведений Паланика, без сомнения, усложняют процесс перевода романов автора на русский язык. Принимая во внимание тот факт, что, согласно определению Ю.С. Степнова, язык – это инструмент мышления и познания, «пространство мысли» [Степанов 1997: 15], а сам процесс перевода, согласно А.Д. Швейцеру [Швейцер 1988: 5], представляет собой процесс межкультурной коммуникации, имеющий целью создание в определенной культурной и языковой среде нового текста (метатекста) на основе анализа и преобразования исходного текста на другом языке, перевод любого художественного произведения

с одного языка на другой – это переход из одного пространства мысли в другое. Задача переводчика, таким образом, минимизировать «искривления пространства», которые могут возникнуть в результате такого перехода.

В силу уже частично названных выше особенностей стиля Чака Паланика переводы его романов активно обсуждаются в среде переводчиков и читателей. Самая интересная ситуация сложилась с романом Чака Паланика «Бойцовский клуб», который, по состоянию на сегодняшний день, имеет пять разных переложений на русский язык. Символично, что каждый следующий перевод создавался как ответ на недовольство аудитории качеством выполнения перевода предыдущим автором. В частности, переводчик последнего на сегодняшний день перевода Александр Завгородний пишет в предисловии к своему переводу, что множество переводов романа «Бойцовский клуб» появилось по той причине, что первый переводчик романа – Илья Кормильцев – не сумел передать всю уникальность ломаного и минималистичного стиля писателя. Действительно, такие фирменные приёмы Паланика, как рефрены или подробные описания деталей, физиологических процессов не передаются в тексте перевода И. Кормильцева. Играющим важную роль в текстах Паланика недиалоговым деталям, таким, как тон речи, жесты, действия, и происходящим на периферии внимания говорящего и слушающего, также не уделено должного внимания в переводе Ильи Егоренкова. По общему мнению англоговорящих читателей романа, наибольшему искажению подверглись первые главы романа.

Обращаясь к когнитивной лингвистике, можно вспомнить высказывание М. Халлидея, который отмечает: «Исключительное богатство естественного языка, его способность конденсировать совокупный коллективный опыт культуры в единый, контролируемый, усваиваемый код – именно эти уникальные свойства языка делают его категории неуловимыми для истолкования, несмотря на наши сознательные усилия достичь его» [Halliday 1988: 4]. Почему это важно и каким образом относится к творчеству Ч. Паланика? Чак Паланик, как и любой другой писатель, ориентируется в своём творчестве на определённую целевую аудиторию, обладателей определённой картины мира. Иными словами, вспоминая формулу немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера, гласящую, что «язык – дом бытия человека» [Хайдеггер 2002: 12], можно смело заявить, что, используя определённый язык, Паланик

пишет свою прозу для определённого «дома». Как отмечают в своей статье Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «язык задает пределы бытию и бытие в языке ограничивает человека» [Верещагин, Костомаров 2005: 422], делая его одновременно традиционным и инновационным. Точно так же и язык книг Чака Паланика является одновременно и традиционным, и инновационным: для одних читателей ломаный стиль – традиция, так как стилистика максимально близка к их разговорной речи, для других же – новация. Именно по этой причине переводить «Бойцовский клуб» исключительно литературным языком – в корне неверно.

Первый переводчик «Бойцовского клуба» Илья Кормильцев использует в своём переводе литературный язык. Очевидно, что при первом прочтении «Бойцовского клуба» И. Кормильцев не смог вычленить те стилистические особенности, благодаря которым проза Паланика стала так популярна в США и из-за которых так далека от классической литературы. Возможно, сказалась банальная рассеянность внимания, сконцентрированного на других проектах. (В 2001 году И. Кормильцевым был переведен целый ряд книг: романы Ежи Косинского «Ступени» и «Чёртово колесо», роман Пола Остера «Тимбукту», роман Ричарда Бротигана «Ловля Форели в Америке» и роман Роберта ван Гулика «Убийство по-китайски: Лабиринт»). Перевод же Алексея Егоренкова, создававшийся как ответ на первый перевод романа, учитывавший его (перевода И. Кормильцева) неудачи и концентрирующийся на передаче авторского стиля Чака Паланика, конечно, во многом лишён таких недостатков.

Для наглядности рассмотрим пример.

Оригинал: *“The big wet face settles down on top of my head, and I am lost inside. This is when I’d cry. Crying is right at hand in the smothering dark, closed inside someone else, when you see how everything you can ever accomplish will end up as trash.*

Anything you’re ever proud of will be thrown away.

And I’m lost inside.

This is as close as I’ve been to sleeping in almost a week.”

Кормильцев: *«Большое мокрое лицо прижимается к моей макушке, и тут-то я обычно начинаю плакать. Я один и темнота кругом. Плакать легко, когда ты ничего не видишь, окружённый чужим теплом, когда понимаешь: чего бы ты ни достиг в этой жизни, всё рано или поздно будет выброшено на помойку.*

Я один и темнота кругом.

Я не спал уже почти неделю».

Егоренков: *«Большое влажное лицо укладывается на моей макушке, и я теряюсь где-то внутри. Это тот момент, когда я плачу. Это то, что надо – плакать в окутывающей тебя темноте, замкнувшись внутри кого-то другого, когда видишь, что все, чего ты когда-либо сможешь добиться, в итоге окажется грудой хлама.*

Все, чем ты когда-либо гордился, будет выброшено прочь.

И я теряюсь где-то внутри.

Это что-то вроде того, как если бы я проспал неделю кряду».

Данный отрывок описывает состояние главного героя, который находит единственное отдохновение в объятиях Большого Боба. Такие сеансы терапии рассказчик сравнивает с тем, «как будто (он) спал целую неделю без перерыва». В связи с этим завершение Кормильцевым абзаца фразой «Я не спал уже почти неделю» выглядит крайне нелогичным и даже странным. Создаётся впечатление, что И. Кормильцев не понял, что имел в виду автор. Кроме того, И. Кормильцев вообще не переводит половину предложения, а также треть от конца предложение, которое А. Егоренков переводит: «Все, чем ты когда-либо гордился, будет выброшено прочь». На самом деле это важная смысловая составляющая текста – рефрен, передающий настроение главного героя, разочарованного в жизни и не знающего, как справиться с её бессмысленностью [Palahniuk. Topic Eight].

Похоже, что Илья Кормильцев не знал про роль рефренов и потому ошибся в передаче не только эмоционального состояния главного героя, но и стиля автора в целом. При анализе первых глав перевода романа на русский язык Ильёй Кормильцевым становится очевидно, что переводчик скорее пытался «изобрести» стиль Паланика (по-своему эпатажный и провокационный, но всё же литературный), чем передать то, что было в тексте оригинала.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: «Индрик», 2005. С. 422-423.

Габисова К.Р., Галлямова М.С. Сленг как текстообразующий фактор в романе Чака Паланика «Бойцовский клуб» и его отражение в русском переводе // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 8. С. 172-174.

Завгородний В. Несколько слов о переводе. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/palanik-chak/bojcovskij-klub-per-v-zavgorodnij/36>.

Паланик Ч. Бойцовский клуб / пер. И. Кормильцева. М.: АСТ, 2014. 254 с.

Паланик Ч. Бойцовский клуб / пер. А. Егоренкова. URL: <http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%9F/palanik-chak/bojcovskij-klub-perevod-aegorenkova>.

Перцов Н.В. Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ. 1996. № 4. С. 39-61.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 340 с.

Halliday M.A.K. Language and Socialisation: Home and School // Linda Gerot, Jane Oldenburg and Theo van Leeuwen (eds.) Language and Socialisation: Home and School. Proceedings from the Working Conference on Language in Education, Macqarie University 17-21 November 1986. Macqarie University, 1988. P. 1-16.

Palahniuk Ch. Fight Club. URL: [http://biblioteca.salamandra.edu.co/libros/Palahniuk,%20Chuck%20-%20El%20Club%20de%20la%20Lucha%20\(english\).pdf](http://biblioteca.salamandra.edu.co/libros/Palahniuk,%20Chuck%20-%20El%20Club%20de%20la%20Lucha%20(english).pdf).

Palahniuk Ch. Topic Eight. Nuts and Bolts: Using Choruses. URL: <https://chuckpalahniuk.net/sites/all/flash/chuckessays/08/essay.html>.

Palahniuk Ch. Topic One. Establishing Your Authority. URL: <https://chuckpalahniuk.net/sites/all/flash/chuckessays/01/essay.html>.

E.I. Saksin (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research University «Higher School of Economics»

egorsaksin@rambler.ru

LINGUISTIC FEATURES OF CHUCK PALAHNIUK'S WORKS (BASED ON NOVEL "FIGHT CLUB" AND ITS TRANSLATIONS ON RUSSIAN LANGUAGE)

This work researches peculiarities of the language of Chuck Palahniuk's books and the problem of their translations into the Russian language.

Key words: Chuck Palahniuk, language, thinking, slang, text, translation, minimalism, fiction.

*К.Я. Сигал (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru*

ПЕРЕХОД ОТ АТРИБУТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ К ПРЕДИКАТИВНОЙ В ДИАЛОГЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье показано, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной, наблюдаемый в диалоге, можно объяснить в рамках когнитивно-прагматического подхода. Эта трансформация рассматривается как один из примеров креативности в синтаксисе. Кроме того, в статье ставится под сомнение идея о том, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной обеспечивается исключительно изменением порядка компонентов.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, синтаксис, конструкция, диалог, креативность.

Когнитивно-прагматический подход, разработанный в методологии лингвистики конца XX века [Nuys 1992], позволяет изучать языковые единицы не столько в их структурно-семантической и тем более не столько в их формальной автономности, сколько в их участии в конструировании «квантов» объективного мира, представленных в перцепции и апперцепции субъекта речи, и в построении дискурса. Целостность когнитивно-прагматического подхода объясняется тем, что когниция, стремящаяся найти для своего воплощения оптимальную языковую форму, вовсе не беспристрастна: какой бы обобщенной ни была ментальная репрезентация и какой бы стереотипной ни была процедура обращения с ней, субъект речи волен выражать ее по-разному, так, чтобы высказывание оказалось построенным как бы «по мерке» субъекта речи, т.е. указывающим на его интенции, установки, реактивность и т. д. Представляется, что, отталкиваясь от наблюдений над тем, как в дискурсивной практике используется та или иная языковая единица, сторонник когнитивно-прагматического подхода способен сказать нечто важное не только об этой языковой единице, обогащая ее традиционное описание, но и о субъекте речи как таковом.

Подобная двуединая направленность когнитивно-прагматического подхода способствовала эвристически многообещающей постановке проблемы лингвокреативной деятельности, которую до сих пор обсуждали

большей частью в стилистике художественной речи. Однако творчество в речи не является лишь уделом писателей с одной стороны и не может быть сведено исключительно к нетривиальным результатам применения языковых механизмов с другой. Как замечает О.К. Ирисханова, «когнитологи изучают порождение нового на уровне структур знаний. Здесь языковое творчество понимается скорее как процесс появления новых когнитивных образований и концептуальных структур, а также объективации их в языковых выражениях» [Ирисханова 2004: 33]. Поэтому в рамках когнитивно-прагматического подхода креативное начало склонны находить у любой языковой единицы, если за ней стоит такая ментальная репрезентация, которая отличается новизной в конкретном дискурсе и, возможно, создание которой было стимулировано тем или иным компонентом когнитивной (и, конечно, речевой) организации конкретного дискурса. Отсюда следует, что креативность, согласно когнитивно-прагматическому подходу, вовсе не обязательно связана с окказиональным характером языковой формы. Вслед за Е.С. Кубряковой можно полагать, что при такой трактовке творчества в речи «особую привлекательность для лингвистов представляют <...> альтернативные способы описания одного и того же, и именно потому, что они возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон <...>, а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления» [Кубрякова 2004: 17].

В области синтаксиса креативный потенциал нередко обнаруживают либо в рекурсивности правил и операций, либо в разном лексическом воплощении одной и той же синтаксической модели. Однако если в первом случае синтаксический механизм работает как бы по инерции, то во втором – тождество синтаксической формы «удерживает» одну и ту же структуру знаний. По-видимому, подлинно креативной в синтаксисе является такая осуществляемая субъектом речи трансформация, при которой различие между двумя конструкциями определяется исключительно различием их синтаксических форм. В частности, к подобным трансформациям относится переход от атрибутивной конструкции к предикативной, когда только вследствие преобразования синтаксической формы словосочетание становится предложением. Подобный переход обусловлен обычно стремлением субъекта речи маркировать новую структуру знания: его цель – не назвать предмет вместе с его признаком, а высказать мысль о том, что предмету свойствен признак, чтобы, например, подчеркнуть этот

момент или, наоборот, усомниться в нем. В живой речи переход от атрибутивной конструкции к предикативной осуществляется в автоматизированном режиме. Субъект речи концентрирует внимание не на трансформации как таковой, а на своей интенции, для воплощения которой синтаксический формат словосочетания становится недостаточным и непригодным. При этом в языковой способности субъекта речи интериоризован переход от атрибутивного приписывания признака предмету к предикативному, что позволяет «оторвать» словосочетание от «внешнего» предиката и, найдя в нем «внутренний» предикат, переформатировать словосочетание в предложение.

В традиционной грамматике переход от атрибутивной конструкции к предикативной рассматривался, естественно, безотносительно к его интенционально-когнитивной «подоплеке» и, как это ни удивительно, сводился к перестановке определения и определяемого. Однако инверсия не нарушает тождества атрибутивной конструкции (словосочетания), хотя и приводит к ее стилистической модификации. Инверсия никак не влияет на функциональный статус компонентов (определяемый/определяющий) и сама по себе не способна преобразовать словосочетание в предложение. Инверсия только сопровождает переход от двухчленной формы атрибутивной конструкции к трехчленной форме (с учетом нулевой связки) предикативной. Всего же разграничение атрибутивной и предикативной конструкций охватывает семь формальных признаков [Сигал 2010: 72-81], и они, безусловно, так или иначе учитываются при переходе от первой ко второй. Кроме того, в традиционной грамматике описание перехода от атрибутивной конструкции к предикативной происходило в отрыве от дискурса, в котором этот переход мог бы быть осмыслен не как металингвистическая процедура, а как подлинно речевой процесс, удовлетворяющий определенные потребности субъекта речи.

В рамках когнитивно-прагматического подхода одними из наиболее перспективных являются наблюдения над тем, как переход от атрибутивной конструкции к предикативной осуществляется в диалоге, где речевая кооперация собеседников создает естественные условия для этого перехода. В качестве примера рассмотрим следующий диалог: (1) – *Вы только послушайте: Анна купила себе **персидский ковер**.* (2) – *Ну и?..* (3) – *Так она всех заставляет обувь снимать.* (4) – *Так это понятно. **Ковер**-то – **персидский**.* (5) – *Да, но висит-то он на стене* (Антенна–Телесемь, № 39, 2012 г.).

Как видим, в 1-й реплике диалога употреблена атрибутивная конструкция (словосочетание) *персидский ковер*, в которой определяющий компонент обозначает признак по месту производства. В семантической структуре предложения эта атрибутивная конструкция выступает в роли объекта при акциональном предикате. В когнитивном плане это однофокусная дескрипция, тяготеющая к устойчивости. Оценочные семы словосочетания, относящиеся к сфере фоновых знаний, никак не выявлены. В 4-й реплике диалога дается причинное обоснование, оправдывающее то, о чем сообщается в 3-й реплике. Очевидно, что субъект речи мог бы сказать что-то типа *Вещь-то дорогая!*, но он поступает иначе, трансформируя атрибутивную конструкцию в предикативную: *Ковер-то – персидский*. Тем самым он создает сообщение, в котором в предикате, не потерявшем локативной семы, актуализируются оценочные семы 'дорогой', 'ценный' и т. п. Предикативное расчленение (пауза) подчеркнуто на письме пунктуационным знаком «тире», тематический компонент информационной структуры предложения маркирован суффиговой частью *-то*. Эта предикативная конструкция (предложение) имеет семантическую структуру «предмет и его признак» и обладает двухфокусной организацией.

Конечно, перед нами вовсе не бытовой диалог, а имитация бытового диалога с целью создания шутки. Однако, как и в обычной повседневной речевой кооперации, здесь инициатор общения не только провоцирует собеседника на высказывание, но и строит для него стимулирующий речевой контекст. Реактивность субъекта речи проявляется в этом диалоге в том, что, создавая собственное высказывание (в 4-й реплике), он берет лексический материал из 1-й, а смысловую импликацию – из 3-й реплики. По сравнению с атрибутивной конструкцией *персидский ковер* в предикативной конструкции *Ковер-то – персидский* воплощена новая ментальная репрезентация (пропозиция), в которой эксплицитно сообщается о том, что ковер является персидским, имплицитно – о его ценности и необходимости бережного отношения к нему, посредством же обратной импликации – о том, что поведение Анны, заставляющей всех снимать обувь, понятно и оправданно (интенция). Важно отметить, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной обеспечивает не только связность, но и цельность (до 5-й реплики) диалога, т.е. ориентирован на построение дискурса.

В заключение необходимо сказать о том, что когнитивно-прагматический подход побуждает лингвистов изучать такие синтаксические процессы,

как переход от атрибутивных конструкций к предикативным, в режиме их реального осуществления в дискурсе, особенно в диалогическом. Приоритетными в диалоге становятся те из них, которые формируют сначала микромодели речевой кооперации, а затем – приемы построения диалога в эстетических или дидактических целях. Такие микромодели речевой кооперации (и, соответственно, приемы построения диалога), установить которые еще только предстоит в функциональном синтаксисе, представляют собой ту потенциальную эмпирическую среду, в которой может быть верифицирован ряд гипотез о языке, выдвинутых в рамках когнитивно-прагматического подхода.

Литература

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: ВТИИ, 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: ЯСК, 2004.

Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М.: Ключ-С, 2010.

Nuyts J. Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language. On cognition, functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1992.

Kirill Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

TRANSITION FROM ATTRIBUTIVE CONSTRUCTION TO PREDICATIVE IN DIALOGUE: COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH

The article shows that transition from attributive construction to predicative, observed in the dialogue, can be explained within the cognitive-pragmatic approach. This transformation is seen as one of the examples of creativity in syntax. In addition, the article calls into question the idea that transition from attributive construction to predicative is provided solely by changing the order of components.

Key words: cognitive-pragmatic approach, syntax, construction, dialogue, creativity.

*Т.А. Сидорова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
t.sidorova@narfu.ru*

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АДРЕСАНТА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Изменение социокультурных практик повлекло за собой появление новых дискурсивных практик. Их изучение в различных аспектах привлекло внимание многих учёных. Актуальным стало исследование и различных видов дискурса. Цель данного исследования: описание коммуникативного поведения абстрактной личности – адресанта экстремистского дискурса – в когнитивном аспекте. В процессе исследования выявляются смысловые конструкты, характеризующие коммуникативное поведение.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, смысловой конструкт, пресуппозиция, личностные ценности, экстремистский дискурс.

Предметом данного исследования является коммуникативное поведение личности как представителя конкретной социальной группы. Поэтому объектом изучения становится социокультурная коммуникативная личность, в том числе и дискурсивная. Речевое поведение личности рассматривали такие учёные, как М.Б. Бергельсон, Л.И. Гришаева, Т.М. Дридзе, О.Г. Дубровская, В.И. Карасик, О.А. Леонтович, А.А. Леонтьев, В.Д. Лютикова, Т.А. Милехина, А.В. Олянич, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова, Л.В. Цуриков и др. Например, А.А. Леонтьев исследовал национально-культурную специфику речевого поведения [Леонтьев 1977]. В.И. Карасик изучил социокультурные ситуации с целью выявления в них речеповеденческих моделей, а также способы модификации речевого поведения [Карасик 2004]. Однако смысловые конструкты, детерминирующие специфику коммуникативного поведения реальной дискурсивной личности как представителя социума, не были предметом изучения.

Поскольку адресант формирует собственный дискурс, осуществляя речевую деятельность в определённом историческом, социальном и культурном контексте [Дридзе 1980], его внутренний мир передаётся не только манерой общения, речевыми сценариями, выбором языковых средств,

пресуппозициями, мировоззрением, но и смысловыми конструктами сознания, объективированными в дискурсе.

Материал исследования – различные жанры интернет-дискурса, чья экстремистская направленность была доказана в процессе экспертной деятельности.

В качестве основного метода используется когнитивно-дискурсивный анализ речевых действий как составляющих коммуникативное поведение личности. Формируя собственный дискурс, языковая личность становится дискурсивной и является одним из компонентов структуры дискурса наряду с коммуникативной компетенцией [Седов 2004].

Важными компонентами экстремистского дискурса являются аксиология адресанта, а также модус дискурса, характеризующий отношение говорящего к предмету речи [Сидорова 2018]. Данные компоненты детерминируют особенности коммуникативного поведения личности.

Мы исходим из положения, что основу концептуальной структуры дискурса составляют смысловые конструкты – устойчивые смысловые структуры, связанные с личными или групповыми ценностями. Это понятие было введено американским психологом Джорджем Келли, который поставил его во главу угла своей теории личности [Келли 2000]. Поскольку смысловой конструкт – это система понятий, которыми пользуется человек как критериями оценки, мы считаем важным учёт смысловых конструктов как факторов интерпретации коммуникативного поведения личности. Полагаем, что смысловые конструкты экстремистского дискурса – это закодированная информация, имеющая особую значимость для субъекта – носителя идеологии экстремизма, выражающая определённое отношение к тому или иному фрагменту мира и выполняющая функцию критерия дифференциации и оценки фрагментов и явлений. Смысловые конструкты взаимодействуют с личностными смыслами, смысловыми установками, смысловыми диспозициями, личностными ценностями.

К личностным ценностям носителей националистической идеологии можно отнести ценностную оппозицию «свои – чужие», которая трансформируется в сознании в конкретные оппозиции «народ – правительство», «чёрные – белые», «русские – инородцы», «националисты – быдло» и др. Личностной ценностью являются стереотипы исторических образов идеологов фашизма и расизма. Сюда же можно отнести и этнокультурные стереотипы сознания, которые подвергаются переосмыслению. Например, слова «патриотизм», «национализм», «интернационализм» и другие

реализуют в экстремистском дискурсе совсем не узуальные значения. Ценностью являются и коммуникативные установки на революционное возрождение нации на основе обращения к консервативным традициям и мифам прошлого, создание тоталитарного государства на основе примата крайнего национализма и др.

Поскольку смысловой конструкт как формат знания предназначен для оценивания и выражения отношения к окружающему миру, он становится регулятором жизнедеятельности личности. Следует иметь в виду, что наиболее общими ориентирами индивидуальной жизнедеятельности являются ценностные ориентации как смысловые компоненты мировоззрения. Для экстремистского дискурса характерны групповые ценности, связанные с националистическим мировоззрением. Мы считаем, что субъективную сторону словесного экстремизма составляют ценностные установки, ценностные ориентиры, личностные ценностные смыслы, смысловые диспозиции, смысловые конструкты, которые характеризуют коммуникативное поведение личности как носителя националистической идеологии.

Проанализируем плакат экстремистской направленности. На плакате изображена фотография маленькой белокурой девочки. Фотографию сопровождает надпись: *«Тебе решать – на каком языке будут говорить твои дети»*. Надпись представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным, первая часть которого является простым предложением с модальностью долженствования. Маркер – форма инфинитива глагола «решать», составляющая предикативную основу односоставного инфинитивного предложения; неопределенная форма глагола актуализирует семантику волеизъявления. Реализуется модальность настоятельной необходимости. Семантическая пресуппозиция обязательности, персональной ответственности усиливается прямой директивой – апелляцией к адресату (маркер – личное местоимение в форме дательного падежа «тебе»). Форма инфинитива («решать») маркирует категоричность. В целом высказывание воспринимается как директивное, т.е. реализуется речевой жанр требования. Это побуждающий жанр. Кроме того, в сознании адресата возникает прагматическая этнокультурная пресуппозиция: *решать – значит, действовать*.

Темой второй части высказывания является проблема выбора языка общения в семье, в государстве («на каком языке будут говорить твои дети»). Контекст актуализирует семантическую пресуппозицию: понятие «национальность» включает язык как один из наиболее существенных

признаков наряду с общей территорией, экономикой, культурой. Отсюда логическая пресуппозиция: ты должен сохранить чистоту своей нации. О какой нации идёт речь, можно судить по фотографии, на которой изображена светловолосая девочка. Светлые волосы – физический признак белой расы. Жест девочки символизирует необходимость не только выбора, но и последующих действий. Плакат вызывает рефлексию: в сознании возникает плакат военных лет с надписью «Ты записался добровольцем?». Взгляд девочки (жёсткий, колючий), сжатые губы аналогичны мимике военного плаката. Такая аналогия формирует логическую пресуппозицию: как военное время требовало решительных действий, так и сейчас нужны решительные действия. Этнокультурная пресуппозиция: девочка-ребёнок символизирует будущее. В завуалированной форме адресант даёт негативную оценку сложившейся ситуации. Реализуется логическая пресуппозиция: инородцы, мигрировавшие в Россию, могут «поглотить» русскую нацию и русский язык. Актуализируется смысловой конструкт *подстрекательства к решительным действиям против представителей небелой расы*. Идея *чистоты расы* как простой смысловой конструкт формирует вышеназванный сложный смысловой конструкт. Ценностным ориентиром адресанта является позитивная установка на национальное (этническое) и расовое (антропологическое) самосознание без учёта интересов других народов. В подтекстовой форме реализуется обоснование необходимости непримиримого отношения к другим расам (не белой). Маркируется и сценарий предостережения. Для реализации этих сценариев адресант использует стратегии и тактики воздействия: апелляция к чувству долга, апелляция к национальным стереотипам (белая кожа, светлые волосы, язык), общекультурным (дети – будущее, Родина изображается в образе женщины), гендерным (девочка – символ будущей матери), к оценке, к прецедентам (ассоциация с военным плакатом) и др.

Анализ различных жанров экстремистского дискурса показал, что его можно рассматривать как разновидность коммуникативного поведения. См., например, понимание дискурса как вида социально-речевого поведения [Абрамова, Свойкина 2014; Иссерс 2015]. Коммуникативное поведение адресанта экстремистского дискурса отличается тенденциозностью и отражает националистическую идеологию.

Литература

Абрамова Е.С., Свойкина Л.Ф. Дискурс как феномен социально-коммуникативной практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар: Наука и образование, 2014. № 12-3. С. 163-165.

Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.

Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2004. 477 с.

Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.

Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объём, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 5-14.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Сидорова Т.А. Особенности экстремистского дискурса как вида коммуникации // Актуальные вопросы образования и науки. 2018. № 1 (63). С. 38-47.

T.A. Sidorova (Arhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF ADDRESSER IN EXTREMIST DISCOURSE: COGNITIVE ASPECT

Changes in socio cultural praxis have entailed emergence of new discourse praxis. Studying of these praxis in their different aspects has drawn attention of many scientists. Research into different kinds of discourse has become urgent. The aim of the present study is to describe communicative behavior of an abstract personality, that of an addresser of the extremist discourse, in the cognitive aspect. In the course of research semantic constructs characterizing this communicative behavior are being revealed.

Key words: communicative behaviour, semantic construct, presupposition, personal values, extremist discourse.

Т.В. Хвесько (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
khvesko@inbox.ru

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО С ПОЗИЦИИ КОГНИТОЛОГИИ

Внимание исследователей направлено на стратегические механизмы реализации метафоры. Считается, что сравнения, ассоциации и метафора – схожие явления. Однако рассмотрение данных явлений с позиции когнитивной лингвистики позволяет выявить их коренное отличие, а именно: метафора как комплексное знание является результатом стратегических мыслительных операций и носит результативный статический характер, в то время как сравнения и ассоциации являются ментальными процессами и носят явно динамический характер.

Ключевые слова: концепт, комплексное знание, когниция, метафора, сравнение, ассоциация.

Цель статьи – показать, как формируется комплексное знание в виде метафоры с использованием стратегических механизмов сравнения и ассоциаций. Теория познания представляет собой камень преткновения для многих наук. Основой познания, по мнению Дж. Локка, является опыт, который состоит из единичных восприятий, ощущений (действия предмета на наши органы чувств) и рефлексии. Идеи возникают в уме в результате абстрагирования восприятий. Локк называет *идеями* все то, что, существуя в сознании человека, является объектом человеческого мышления. Объекты, существующие во внешнем мире, вызывают в человеке простые идеи (ощущения), но иногда они представляют собой наше субъективное восприятие первичных качеств: цвет, звук, запах, вкус. Из этого исходного материала человеческий разум, действуя путем *соединения, сопоставления и абстрагирования*, составляет сложные идеи [Локк 1986].

Современный этап развития гуманитарных наук характеризуется когнитивным описанием языковой действительности, где обязатель-

но присутствуют понятия «когниция» и «ментальность». По мнению Е.С. Кубряковой, когниция есть познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов: восприятия, категоризации, мышления, речи, служащих обработке и переработке информации. Когниция – все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека [Кубрякова 2008].

Поэтапная система переработки информации Ф. Крейка и Р. Локхарта, включающая первичный анализ сенсорных качеств объекта восприятия, перцептивный анализ (распознавание паттерна), семантико-ассоциативную обработку (определение значения) и самореференцию (соотнесение с «Я-системой»), подтверждает, что сравнение и ассоциация являются предшествующими этапами формирования знания [Craik, Lockhart 1972]. **Ассоциация** как один из основных механизмов памяти является естественным классификатором понятийного содержания лексики языка. Представления и понятия, которыми располагает память человека, связаны между собой. Эта связь основана на прошлом опыте человека и в конечном счете воспроизводит объективно существующую зависимость между явлениями реального мира [Хвесько, Басуева 2015]. При определенных условиях оживление одного представления или понятия сопровождается оживлением других, соотносящихся с ним. Это явление получило название *ассоциации* [Локк 1986]. Со времен Аристотеля различают ассоциации *по сходству, контрасту и смежности*. Ассоциации по сходству основаны на том, что ассоциируемые явления обладают некоторыми общими чертами. Они представляют собой результат обобщения условной связи, при котором сходные раздражители вызывают сходную реакцию (например, оживление синонимического ряда при актуализации одного из синонимов: горе – несчастье, скорбь, печаль, грусть и т. п.). Поскольку ассоциации отражают некоторые существенные связи между объектами и явлениями реального мира, а следовательно, и между понятиями, закономерно сделать вывод, что они играют важную роль в строении лексической системы языка. Словарь русского языка дает следующее определение понятия: «Ассоциация основана на нервно-мозговых процессах, связь между отдельными психическими актами (представлениями, мыслями, чувствами), благодаря которой за одним следует другое,

так или иначе с ним связанное» [СРЯ 1985: 49]. По мнению И.П. Павлова, ассоциация есть не что иное, как временная нервная связь, возникающая при определенных условиях. Английский словарь-тезаурус приводит следующие синонимы: association – blend, bond, combination, connection, correlation, identification, joining, juxtaposition, linkage, linking, mixture, relation, tie [СЕТ 1995: 67].

В отличие от ассоциативной связи мы рассматриваем **сравнение** как ментальный процесс, стратегический механизм речевой деятельности. Сравнить означает рассмотреть одно в связи с другим для установления сходства или различия или для установления преимуществ одного перед другим: сопоставить [СРЯ 1985: 230]. Comparison – contrast, distinction, juxtaposition, analogy, comparability, correlation, likeness, resemblance, similarity [СЕТ 1995:1 77]. Синонимы: аналогия, компарирование, метафора, отождествление, параллель, приравнивание, сверка, сличение, соотнесение, сопоставление, сравнение, троп, уподобление, уравнение.

Метафора же как комплексное знание, сформированное с помощью стратегических механизмов речетворчества, имеет следующие синонимы: олицетворение, перенесение, сравнение, троп. Иными словами, метафора определяется в словарях как иносказательное выражение; троп, состоящий в том, что название одного понятия переносится на другое на основании сходства между ними (*Словарь иностранных слов русского языка*); вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или по аналогии (*Словарь литературных терминов*); семантическая структура, представляющая особый способ познания, осуществляемый посредством генерации образов [Fauconnier, Turner 1998]. На двусторонность познавательного процесса (статический и динамический аспекты) указывает выдающийся российский когнитолог Н.Н. Болдырев, по определению которого результаты познавательного процесса проявляются в виде структурирования концептуальной и категориальной систем. Динамический аспект характеризуется мыслительными операциями, ведущими к достижению конечного результата – знания [Болдырев 2014]. По мнению Н.Н. Болдырева, разнообразие форм познания (когниции) определяет разные способы формирования концептов в сознании человека: на основе чувственного опыта, т.е. в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств: через зрение, слух, обоняние, осязание и вкус; на основе предметно-практической деятельности; на основе экспериментально-познавательной деятельности; на основе мыслитель-

ной деятельности (в результате рассуждений, умозаключений, выводов); на основе вербального и невербального общения [Болдырев 2014]. Условия формирования комплексного знания на основе разъяснения процессов взаимодействия когнитивного и метакогнитивного уровней в познавательной деятельности человека успешно описывает Л.А. Фурс. В ходе познавательной деятельности человек овладевает процедурным знанием в виде когнитивных стратегий, направленных на обработку и усложнение приобретенного опытным путем знания и регулирование отношений между концептами комплексных структур знания [Фурс 2018]. В ходе исследования автор выделяет два типа когнитивных стратегий – стратегию усложнения структуры знания и стратегию регулирования отношений между концептами комплексного формата знаний.

Таким образом, когнитивная наука как наука о процессах познания, о результатах восприятия мира и ментальной деятельности людей способствует пониманию сложной структуры когниции. Опираясь на положения когнитивной лингвистики, можно утверждать, что в языке существуют как ментальные когниции, механизмы формирования значений, для которых характерна динамичность, так и языковые когниции как результат обработки знания, концептуального структурирования. Метафора представляет собой языковую статичную когницию, мощное средство вербализации ментальных схем, используемых посредством языка как способ структурирования человеческого мышления.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 19-41.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1986. Т. 1.

Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С.74-78.

Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Вербальное воздействие как стимул к познанию // Когнитивные исследования языка. Вып. 21. 2015. С. 607-611.

Creik F.I.M., Lockhart R.S. Level of Processing. A Framework for Memory Research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1972. 11. P. 671-684.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22 (2). P. 133-187.

CET – Collins English Thesaurus, the Ultimate word finder. Madrid: Collins Publisher, 1995. P. 67.

СРЯ – Словарь русского языка в 4-х томах / ред. А.П. Евгеньева. М.: «Русский язык», 1985. С. 49.

T.V. Khvesko (*Tyumen, Russia*)

Tyumen State University

khvesko@inbox.ru

SPEECH CREATIVITY FROM THE POSITION OF COGNITOLOGY

The attention of researchers is directed to the similar phenomena participating in realization of a metaphor. Comparisons, associations and metaphor are considered the same processes. However, consideration of these phenomena from a position of cognitive linguistics allows to reveal their radical difference, namely: the metaphor as complex knowledge is result of strategic cognitive operations and has static character while comparisons and associations are intermediate links and have obviously dynamic character.

Key words: association, comparison, metaphor, concept, cognition, complex knowledge.

Х. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Ван Тяньцзяо (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
931515224@qq.com*

МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ 'ДОБРО'

В работе осуществляется анализ когнитивных моделей концептуальной метафоризации этических понятий в русской фразеологии на примере фразеологизмов с компонентом 'добро'. Показано, что в русских фразеологических единицах добро последовательно представлено в качестве активной, целенаправленно действующей одушевленной сущности, в качестве конкретного предмета (вещи), в качестве вещества (субстанции) и пр. Делается вывод, что подобные модели метафорического представления добра во многом обуславливают национальную и культурную специфику фрагментов русской языковой картины мира, воплощенных в русской фразеологии.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивные модели, концепт «добро», русская фразеология.

Данная работа посвящена анализу когнитивных моделей концептуальной метафоризации в русских фразеологизмах с компонентом «добро».

Цель исследования – выявление национальной и культурной специфики представления о добре в русской языковой модели мира, имплицитно отображенной в русской фразеологии.

В качестве методов исследования использован метод традиционного лингвистического описания и метод концептуального анализа.

Со времен Аристотеля метафора изучается либо в лексико-семантическом плане, как словесное обозначение, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид [Петров 1990:135], либо в стилистическом плане, как риторический троп [Ungerer, Schmid 2001: 153]. Новое понимание метафоры как формата знания о мире [Попова, Стернин 2007: 7-8] и элемента понятийной системы человека [Арутюнова

1999: 346] связано с возникновением когнитивного подхода к метафоре [Lakoff, Johnson 2003]. Это новое понимание метафоры прежде всего отражается в *теории концептуальной метафоры* [Lakoff, Johnson 2003: 272], в которой метафора понимается как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [Кубрякова и др. 1996: 55] и со способами представления этого нового знания в сознании [Скребцова 2011: 34] и суть которых заключается в осмыслении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления – в терминах более простого, уже известного в опыте [Kovecses 2010: 7]. Тем самым концептуальная метафора как когнитивная стратегия познания окружающей среды и деятельности человека воплощает в себе базовые способы мышления, понимания действительности и поведения.

Мы в данной работе исходим из того, что в процессах концептуальной метафоризации большую роль играют ключевые концепты национальной культуры как этнически обусловленные единицы ментальной репрезентации. Поскольку познание и понимание абстрактных концептов в среде действия языка происходит в терминах конкретных концептов, это вполне соответствует механизмам действия концептуальной метафоры. Иными словами, в языковой картине мира этноса, формирующейся системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, обязательному овеществлению по моделям концептуальной метафоризации подлежит любой абстрактный концепт, в том числе абстрактные этические концепты [Радбиль 2018: 131].

Именно в языке воплощаются базовые свойства человека, в том числе особенности его ментальности [Evans, Green 2006: 6]. В числе разных уровней языка и участков языковой системы совершенно особое место занимает фразеология как носитель культурных смыслов нации, так сказать, в концентрированном виде: фразеологизмы отражают особенности национальной культуры, мировоззрение этноса, его этические и эстетические нормы, систему идеалов и ценностей [Верещагин, Костомаров 1990: 68]. Таким образом, посредством анализа русских фразеологизмов через призму концептуальной метафоризации мы можем выявить базовые когнитивные модели представления в языковой картине мира этноса тех или иных абстрактных понятий нравственного характера, в том числе понятия о добре.

Первая когнитивная модель, попавшая в сферу нашего исследовательского внимания, – это концептуально-метафорическая модель овещест-

вления абстракции (реификации) концепта ДОБРО, т.е. модель представления добра как реальной конкретной сущности (предмета, вещи, объекта), которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом 'добро' как существительным. Очевидно, что концепты типа ДОБРО, являясь абстрактными этическими концептами, сами по себе не могут быть восприняты сенсомоторными органами человека, потому что не относятся к той категории концептов, в основе формирования которых лежит непосредственно эмпирический опыт телесного взаимодействия со средой, возникающий в процессе интеракции между окружающей средой и человеком. Выше уже было сказано, что в языковой картине мира этноса любой абстрактный концепт познается и запечатлевается в концептуальной системе этноса в терминах конкретного концепта: в связи с этим когнитивная модель представления добра как реальной конкретной сущности (предмета, вещи, объекта) отражает тот факт, что люди проецируют полученное из опыта знание о реальных вещах и предметах на абстрактный концепт ДОБРО, чтобы легче представить себе суть этого понятия.

Мы знаем, что в реальной действительности люди своими сенсомоторными органами могут *искать реальные вещи или объекты*, к тому же *доводить до них, дать их*, даже *кончиться ими*. Согласно вышеуказанной когнитивной модели концептуальной метафоры, содержательные особенности концепта «реальные сущности» применяются к этическому концепту ДОБРО, т.е. посредством этой модели концептуальной метафоризации, отраженной в фразеологизмах *искать добра, (не) доводить до добра, дать добро, добром (не) кончится* и др., концепт ДОБРО входит в языковую картину мира этноса как конкретно-чувственное представление. При этом на основе данной когнитивной модели носители языка могут не только понимать категорию добра, воплощенную в фразеологизмах *дать добро, до добра не доводит, добром не кончится, от добра добра не ищут, древо познания добра и зла*, но руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель, исследуемая в данной работе, – это концептуально-метафорическая модель одушевления концепта ДОБРО, то есть модель представления добра как живого существа, даже как существа человеческого, которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом 'добро'. Добру в этом случае могут быть приписаны, свойства, атрибуты и функции, в норме присущие живому, целенаправленно действующему существу, чаще всего – человеку. Так, человеку как существу

социальному присущи многие характеристики, например, такая, как возможность защищать свои права, отстаивать свою позицию. Прототипическая ситуация отстаивания своих прав может осмысляться в понятиях борьбы, драки, поэтому и фразеологизм *добро должно быть с кулаками* отражает модель подобного представления – добро, как человек, защищает кулаками свои права от зла. Также из опыта этнического восприятия действительности известно, что человек может иметь ряд негативных свойств, связанных с болезнями, с отсутствием физического здоровья, например – со слепотой. Прилагательные, обозначающие подобные свойства человека, также могут быть приписаны в фразеологизмах абстрактному концепту ДОБРО. Это мы видим, например, в фразеологизме *слепая доброта*, который метафорически, через идею отсутствия зрения, т.е. возможности видеть, выражает значение «бездумное доброе отношение к кому-либо или к чему-либо, способное привести к негативным результатам» – как отсутствие возможности видеть в ментальном плане, т.е. думать, правильно понимать окружающие ситуации.

В заключение отметим, что анализ показал возможность выявить некоторые национально-специфичные когнитивные модели концептуальной метафоризации абстрактных концептов, в частности – ДОБРО в русской фразеологии. Это прежде всего модели овеществленного представления добра как реального предмета, вещи, вещества и одушевленного представления добра как человеческого существа. Таким образом, в фразеологизмах отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [Маслова 2001: 1], но и прежде всего – определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-146.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «ВОСТОК-ЗАПАД», 2007.

Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курсы лекций. М.: Искусство России, 2011.

Evans V., Green M. Cognitive linguistic: an introduction. Edinburgh: Edinburgh university press, 2006.

Kovecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford university press, 2010.

Lakoff G., Johnson M. Metaphor we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.

Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Пекин: Издательство преподавания и изучения иностранных языков, 2001.

Wang Tianjiao (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

MODELS OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT ‘KINDNESS’

This paper analyzes cognitive models of conceptual metaphorization of ethical concepts in Russian phraseology, taking phraseological units with component “kindness” as an example. It is shown that in Russian phraseological units, the kindness is consistently represented as an active, purposefully acting animate entity, as a specific object (thing), as a substance, etc. It is concluded that such models of the metaphorical representation of kindness largely determine the national and cultural specificity of the fragments of the Russian language picture of the world, which are embodied in Russian phraseology.

Key words: conceptual metaphor, cognition models, concept «kindness», Russian phraseology.

*Д.А. Горбунова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
gorbunova_dasha95@rambler.ru*

ЭКСТРАВЕРТ ИНТРОВЕРТУ РОЗНЬ: К ВОПРОСУ О ЧАСТОТЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В РЕЧИ РАЗНЫХ ГОВОРЯЩИХ¹

Статья посвящена изучению влияния общих психологических характеристик человека на его повседневную речь; в частности, рассматривается частота употребления в речи говорящих с разными психологическими характеристиками (экстравертов и интровертов) единиц, относящихся к классу прагматических маркеров.

Ключевые слова: звуковой корпус, коллоквиалистика, когнитивистика, психотип говорящего, устная речь.

Если рассматривать речь как явление биологическое, как ту высшую биологическую способность мозга, которая «передается по наследству генетическим путем» [Нечипоренко 1984: 42], то несомненной становится ее полифоничность по отношению к психическому.

В отечественной психолингвистике ведется разработка такой проблемы, как установление особых характеристик речи говорящих с разными психологическими характеристиками, в русле решения которой лежит и настоящее исследование. Материал исследования предполагал предоставление информации о частоте встречаемости прагматических маркеров в речи информантов разных психологических типов. При этом однофакторный дисперсионный анализ, направленный на проверку уровня статистической значимости фактора экстраверсия/интроверсия,

¹ Исследование проведено на материале звукового корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) – крупнейшего лингвистического ресурса для изучения русского устного дискурса, при поддержке гранта РНФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

оказался $\leq 0,028$ [Горбунова 2018]. Это позволяет заключить, что психологические характеристики человека действительно влияют на количество прагматем в его речи.

Наблюдений такого рода в лингвистической литературе достаточно. Так, исследование В.В. Кукановой показало, что психотип говорящего оказывает влияние на выбор им коммуникативной стратегии при пересказе прочитанного текста [Куканова 2009]. Отмечается влияние темперамента на такие характеристики речи, как количество пауз, количество логических и эмоциональных ударений, темп речи [Ерофеева, Марамзина 1993]. А.А. Журавлева при исследовании специфики устной речи дикторов отмечает, что, «зная темперамент, социотип и акцентуацию характера диктора, можно спрогнозировать специфику его речевого поведения» [Журавлева 2008].

Основой материала для анализа в настоящем исследовании стал корпус «Один речевой день» (ОРД), один из крупнейших на сегодняшний день лингвистических ресурсов для изучения русского устного дискурса. Корпус включает записи речи 130 информантов и более 1000 их коммуникантов, содержит около 1250 часов звучания, более 2800 коммуникативных макроэпизодов и 1 млн словоформ в расшифровках (см. о нем подробнее: [Богданова-Бегларян и др. 2015; Русский язык повседневно-общения 2016]).

После анализа метаданных всех информантов ОРД, которые заполняли в ходе своего «речевого дня» различные психологические анкеты, были отобраны наиболее типичные экстраверты и интроверты. Наиболее репрезентативными для дальнейшего лингвистического анализа оказались данные только 41 информанта (29 экстравертов и 12 интровертов). С помощью метода сплошной выборки из корпуса ОРД были извлечены прагматемы (*как его (её, их), это самое* (во всех грамматических формах) и *вот* (в том числе в составе коллокаций) и отфильтрованы по употреблению экстравертами/интровертами, всего 485 единиц в контекстах. Употребления этих слов в их словарных значениях не учитывались. С учетом обоих критериев (лингвистический и психологический), для дальнейшего анализа было отобрано 338 единиц в контекстах. Помимо психотипа информанта и типа прагматемы, фиксировались также функции прагматемы в каждом конкретном контексте.

Психолингвистический анализ материала ОРД в настоящей работе предполагает учет психологических характеристик говорящего при

употреблении прагматем в их речи, где ведущим является уровень его (человека) экстравертности (ЭТ) / интровертности (ИТ).

Оказалось, в частности, что, в то время как интроверты в разговоре колеблются, экстраверты могут нетерпеливо составлять все новые и новые формулировки, объясняя, дополняя и совершенно не прибегая при этом к помощи прагматических маркеров, ср. (о специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Русский язык повседневного общения 2016: 242-243]):

(1) ну к... / не / **вот** / где ? он тебе пишет / иди сюда / я тебе в лицо скажу / ну как так / а ? **вот** за это ненавижу вашу работу (И102, ЭТ);

(2) охраняли этих / ну(:) (м-м) **как их** (м-м) эш... не эшелоны / караваны / караваны судов охраняли / **вот** (И85, ИТ).

На примере (1) видно, как информант-ЭТ не сдерживает энергию, энтузиазм и возмущение, активно дополняет и трансформирует свою речевую картину мира, демонстрируя импульсивность и неподдельную активность, заинтересованность в беседе. Интроверт (2), напротив, сомневается перед тем, как сообщить другим какую-либо информацию, стремится к точности и максимальной осознанности своей речи и с вероятным облегчением завершает столь трудно давшуюся ему реплику финальным дискурсивом *вот*. Кроме того, для ИТ свойственен постоянный внутренний диалог. Некоторым интровертам, прежде чем что-либо сказать, требуется порыться в долгосрочной памяти, чтобы обнаружить там нужную информацию. Их размышления и припоминания требуют времени, не терпят спешки и принимают в речи гезитативную форму, ср.:

(3) **нет** ну подойти объяснить кто мы такие / **то есть** они просто посмотрят / **да как как эта** *Н (Саша%) ...мы не бандюганы не **это самое то есть да** (И124, ИТ);

(4) **нет** с Вырицей§ / **вот** с () **как его** ну (...) **как он называется ... ну вышитые что ? гобелены вот** (И79, ИТ).

Каким образом осуществляется говорящим процедура отбора прагматических единиц, пока неясно, об этом можно лишь догадываться, опираясь на ряд очевидных и неочевидных языковых фактов (это, в частности, составляет и перспективу настоящего исследования), однако частота употребления обоими психотипами таких единиц вполне сопоставима. Думается, что подобные наблюдения могут быть полезны при изучении устной речи с позиций коллоквиалистики, психолингвистики.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357-372.

Горбунова Д.А. Функционирование прагматем в русской устной повседневной речи: психолингвистический аспект: дис. ... маг. лингв. СПб., 2018. 83 с. (машинопись).

Куканова В.В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 224 с. (машинопись).

Ерофеева Т.И., Марамзина О.В. Тип темперамента человека и его речь (экспериментальное исследование) // *Живое слово в русской речи Прикамья.* Пермь: ПГУ, 1993. С. 55-61.

Журавлева А.А. Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи: доклад на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». Бекасово, 4-8 июня 2008 г.

Нечипоренко В.Ф. Биолингвистика в ее становлении (Биолингвистические основы системы памяти, мышления, языка и речи). М.: МГПИ, 1984. 214 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: колл. монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

D.A. Gorbunova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

EXTRAVERT VS INTROVERT: THE FREQUENCY OF THE PRAGMATIC MARKERS IN SPEECH OF DIFFERENT INFORMANTS

The article is about general psychological characteristics influence on our everyday speech; in particular, we observed the frequency units, called “prag-

matic markers”, in the speech of speakers with different psychotype (extroverts and introverts).

Key words: ORD, colloquialistics, cognitivistics, psychotype, oral speech.

*Л.В. Калинина (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru*

СЕМАНТИКА НЕУЛОВИМОГО В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению семантики неуловимого как модусной функционально-семантической категории, связанной с выражением того, что по тем или иным причинам не может быть в достаточной мере воспринято органами чувств или отражено сознанием. Проводятся междисциплинарные параллели между лингвистическим изучением семантики неуловимого и решением сходных проблем другими науками.

Ключевые слова: семантика неуловимого, когнитивная лингвистика, междисциплинарные связи.

Когнитивная лингвистика, будучи наукой об отражении мыслительных процессов в языке, интересуется широким кругом «пограничных», междисциплинарных вопросов. Одной из проблем, находящихся на пересечении различных наук, является изучение семантики неуловимого.

Цель настоящей статьи – дать понятие о семантике неуловимого и актуальности её исследования в свете общих направлений поисков современной науки.

Под «неуловимым» мы понимаем всё то, что не может быть в полной мере воспринято органами чувств или отражено сознанием и, следовательно, не может быть вербализовано, однозначно отнесено к какому-либо классу объектов, с достаточной определённой охарактеризовано. Семантика неуловимого организована по принципу модусной категории полевой структуры и формируется вокруг суперконцепта НЕУЛОВИМОЕ, вербализуемого лексемой *неуловимый* прежде всего во втором её словарном значении «еле заметный, плохо различимый, неясный» [ССРЛЯ 1958: 1239].

Необходимо отграничивать семантику неуловимого от смежных смысловых зон, уже выступавших объектом лингвистического описания. Так, существуют исследования, посвящённые функционально-семантическим категориям неопределённости, неизвестности, отрицания, приблизительности, имплицитности, семантике невыразимого. О специфике семантики неуловимого по сравнению с перечисленными категориями см. [Калинина, Трушков 2017; Калинина 2018]. В целом можно сказать, что термин «неуловимое» обозначает случаи невозможной, затруднительной или пограничной категоризации, когда объект или явление воспринимаются субъектом, осознаются им как существующие во внешнем или внутреннем мире, но при этом не могут быть с определённой отнесены к той или иной категории по причине либо своей слабой проявленности, либо сложности устройства, либо быстроты происходящих с ними изменений. «Неуловимый», «не пойманный» сознанием и, стало быть, «не понятый» (учитывая этимологию общеславянского корня **eti*, **jьmŕ*) объект не может быть однозначно отнесён к той или иной категории, в результате чего и возникают эффекты неопределённости, невыразимости, приблизительности и другие, благодаря которым семантика неуловимого пересекается с обозначенными смысловыми зонами.

В языке семантика неуловимого может выражаться широким кругом средств, прежде всего лексических и синтаксических: собственно прилагательным/наречием *неуловимый/неуловимо* и различными конструкциями с ними, ср.: *что-то неуловимое, нечто неуловимое; неуловимый/ая/ое N* (где N – любое существительное); *неуловимый для чего* (например, *неуловимый для слуха*); *неуловимый как что* (*неуловимый как сон*); *это/оно/что неуловимо* (*воспоминание неуловимо, образ неуловим*); *неуловимо что делать/сделать* (*неуловимо меняться/измениться*); *неуловимо какой* (*неуловимо похожий*) и *неуловимо-какой* (*неуловимо-ускользающий*) и др. Следует принимать во внимание и синонимы адъектива *неуловимый*, в том числе контекстуальные (ср.: *незримый, невидимый, неслышимый, неосятимый, неясный, неясный, неузнаваемый, невесомый, смутный, туманный, зыбкий* и др.) и конструкции с ними. Также нами замечено, что говорящий часто пытается каким-то образом дополнительно охарактеризовать что-то/нечто неуловимое, чтобы сделать этот объект если не «узнаваемым», то хотя бы представляемым в воображении, ср., напр.: *что-то неуловимое, трогательно-беспомощное; что-то неуловимое, но осязаемое; что-то неуловимое, совершенно безумное; нечто тонкое, лёгкое,*

неуловимое; нечто неуловимое и мучительно притягательное и др. [Калинина 2017].

Далее обратимся к характеристике того «междисциплинарного фона», на котором может осуществляться исследование семантики неуловимого.

Изучение семантики неуловимого перекликается с некоторыми проблемами **философии**, в частности с фундаментальными философскими вопросами о сути бытия и небытия («ничто»), о познаваемости и наблюдаемости мира, о природе пространства и времени. Если мы обозначаем какой-то объект (материальный или ментальный) как «неуловимый», если мы не можем чётко понять его суть ввиду недостаточности манифестации объекта для нашего восприятия или ввиду отсутствия явных аналогий для осуществления категоризации – что мы можем сказать о бытии такого объекта? В какой степени он для нас существует, в какой степени он наблюдаем и познаваем, он ближе к бытию или небытию, к «ничто» или к «нечто»? Как отмечается в «Философском энциклопедическом словаре», «категория небытия фактически тождественна категории *ничто*; различие их лишь в том, что небытие противопоставляется бытию вообще, в то время как ничто – многообразию различных нечто» [Багатурян 1989: 407]. Ср. в связи с этим: *...вообще всё, из чего состоит любой человеческий опыт во сне и наяву, – это просто симуляция, которой нет нигде, кроме как в неуловимом мгновении, рисуящем мираж нашего мира* (В. Пелевин. Смотритель). Проблемы соотношения бытия и небытия (ничто) актуальны для философии и науки XX–XXI веков и нашли отражение в трудах М. Хайдеггера «Бытие и время» (1927), Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто» (1934), коллективной монографии «Ничто» под редакцией Джереми Уэбба (2016) и многих других работах.

Множество пересечений в области изучения неуловимого существует между лингвистикой и **психологией**, в сфере нейропсихолингвистики и когнитивной психологии. Эти пересечения связаны с вопросами исследования перцепции и её искажений (иллюзий, галлюцинаций), с изучением природы инсайтов, интуиции, воображения, творчества, с анализом процессов категоризации и др. Так, одной из «параллелей» лингвистического изучения семантики неуловимого в когнитивной психологии может быть изучение так называемого «подпорогового восприятия», которое представляет собой «воздействие стимулов, очевидно, достаточно сильных, чтобы быть выше физиологического порога, но не осознаваемых» [Солсо 2011: 117]. Существование подпорогового восприятия может быть

объяснено тем, что «возможности нашей нервной системы слишком ограничены, чтобы ощущать все эти миллионы внешних стимулов... Наши органы чувств... работают вполне сносно, если количество обрабатываемой информации находится в пределах их возможностей; при перегрузке происходит сбой» [Солсо 2011: 108]. По указанным причинам часть «раздражителей», лишь поверхностно зафиксированных нервной системой, оказывается «неуловимой». Ср. ряд примеров, иллюстрирующих то, как подпороговое восприятие может передаваться средствами языка: *Тут я заметил еле уловимое движение – и поднял глаза; Это было смутное и еле ощутимое движение сердца; Что-то дивное и невыразимое коснулось меня, побывло со мной на миг или два – и исчезло* (В. Пелевин. Смотритель).

Изучение семантики неуловимого созвучно и актуальным проблемам современной **физики**. Попытки «поймать» мельчайшие частицы в адронном коллайдере, познать сущность квантово-волновых полей, рассчитать процессы, происходящие за горизонтом событий чёрной дыры, изучить феномены скрытой массы, тёмной материи, тёмной энергии – всё это исследования, связанные с изучением того, что выходит далеко за рамки обычного восприятия, а значит, «неуловимого». Вот, например, каковы в настоящее время задачи физики элементарных частиц: «...Приходится строить всё более мощные ускорители, чтобы проникнуть всё дальше вглубь материи, выяснить строение считавшихся ранее неделимыми частиц. Современные ускорители позволяют исследовать структуру материи и свойства пространства в масштабах порядка 10^{-19} м» [Берков 2005: 313]. Ср. также тематически близкие примеры из художественной литературы: *Суть заключалась в том, что электрическую силу со **страшной, поистине невообразимой скоростью** заставляют метаться по их зубцам; **Все три пространственных измерения реально существуют лишь в единой точке временной координатной оси. Воображаемой оси, поскольку её негде провести. Есть только бегущая по ней точка. Мало того, если разобраться, не существует и этой точки, потому что её никак нельзя уловить и зафиксировать*** (В. Пелевин. Смотритель).

Оставляя за кадром пересечения проблематики неуловимого с задачами других гуманитарных, точных, естественных наук, скажем ещё лишь о взаимосвязи в данной исследовательской области лингвистики и **литературоведения**. Семантика неуловимого может плодотворно изучаться как на материале отдельных произведений художественной литературы

(например, в данной статье мы привели в качестве иллюстраций ряд контекстов из романа В. Пелевина «Смотритель»), так и на материале целых жанров и даже литературных направлений (романтизма, символизма, постмодернизма). Особую область исследований с точки зрения семантики неуловимого могла бы составить литература абсурда.

Таким образом, семантика неуловимого представляется перспективной областью изучения с позиций когнитивной лингвистики и с учётом широкого междисциплинарного контекста.

Литература

Багатурия Г.А. Небытие // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 407.

Берков А. Как открывают частицы // *Энциклопедия для детей*. Т. 16. Физика. Ч. 2. Электричество и магнетизм. Термодинамика и квантовая механика. Физика ядра и элементарных частиц. М.: Аванта+, 2005. С. 312-313.

Калинина Л.В., Трушков М.А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 2. С. 78-89.

Калинина Л.В. Синтагматические связи слова *неуловимо* в аспекте когнитивной категоризации // *Рациональное и эмоциональное в русском языке*. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 214-217.

Калинина Л.В. Семантика неуловимого и проблемы категоризации // *Современные достижения и новые направления филологии / под общ. ред. д.ф.н., доц. Е.Г. Озеровой*. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 23-29.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Солсо Р. *Когнитивная психология*. СПб.: Питер, 2011. 589 с.

L. V. Kalinina (Kirov, Russia)
Vyatka State University

SEMANTICS OF IMPERCEPTIBLE IN THE CROSS-DISCIPLINARY CONTEXT

The article is devoted to studying of semantics of imperceptible as the mode functional and semantic category connected with expression of things which

can't be adequately apprehended by sense organs or to be reflected by consciousness. Cross-disciplinary parallels between linguistic studying of semantics of imperceptible and the solution of similar problems by other sciences are drawn.

Key words: semantics of imperceptible, cognitive linguistics, cross-disciplinary communications.

Ю.Г. Кокорина (Москва, Россия)

Московский Политехнический университет

kokorina@inbox.ru

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР
СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)**

Одной из задач когнитивного терминоведения является изучение проблемы представления научного знания в терминологии. В данной работе на основе анализа терминологических словарей по археологии делается вывод о мультидисциплинарном характере археологического знания и рассматриваются тенденции в развитии терминологии.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, мультидисциплинарное знание, наука, археологическая терминология, специальные словари.

Современное научное знание приобретает даже не междисциплинарный, а мультидисциплинарный характер. Если «собственно» *дисциплинарный* подход ориентирован строго на предметную область, методы и идеи конкретной науки, *междисциплинарный* подход аккумулирует в предметной области некоторой дисциплины *методы* привлекаемых к ней наук, обеспечивая относительную полноту и относительную точность представлений об изучаемом объекте, то *мультидисциплинарный* подход аккумулирует в предметной области некоторой дисциплины *идеи* неограниченного круга наук, в том числе возникших на стыках ранее хорошо развитых дисциплин, и универсальных «метанаук» – не только дополнительно углубляя полноту и точность, но и расширяя общий

контекст, масштаб задач и представлений об изучаемых субъекте и созданном им объекте [Щапова, Гринченко 2017: 140].

Мультидисциплинарный характер современного археологического знания обусловлен обилием дисциплин, его составляющих. И, если по традиционному определению А.В. Арциховского, «археология – это история, вооруженная лопатой», то на современном этапе в нее входят, кроме исторического, элементы этнографического, искусствоведческого, биологического, геологического, химического, физического и математического знания. Изучение проблемы представления знаний в терминологических единицах является одной из задач когнитивного терминоведения [Голованова 2011: 40]. Целью данной работы является выявление на материале словарных продуктов, представляющих археологическое знание, особенности представления в научной терминологии его мультидисциплинарного характера.

Уже на заре своего бытования археологическое знание носило междисциплинарный характер, поэтому в первом российском археологическом словаре, материалы к которому публиковались с 1864 по 1885 г. [Кокорина 2011: 261-262], встречаются термины нумизматики (*аверс, реверс, гурт*), архитектуры, особенно древнерусской (*гусек, дыня, закомара*), лексики православной религиозной службы (*алилуя, алилуя красная, потир, иерусалимы*), особое место занимает терминология церковного пения (*анес, адам, антифон*), ювелирного дела (*басма, шинка*) и других. Основой для терминологической номинации артефакта в археологии является его функция в той мере, в которой она реконструирована исследователем-археологом [Кокорина 2011: 179]. Поэтому значительна роль терминов, имевших своими источниками обыденное знание (*веко, рало, било, рогатка, колтовидные подвески* и др.). Этнографическое знание нашло свое отражение в терминах «племя» (Литовское племя), «земля» (сейчас он является устаревшим), географическое – в характеристике древностей в соответствии с территориями (губерниями, уездами, местечками). Археологическое знание представлено в словаре в основном терминами полевой археологии (*курган, городище, селище, раскопка*).

Следующие словари археологической терминологии на русском языке вышли более ста лет спустя. В переведенном с английского языка «Археологическом словаре» (на языке оригинала словарь опубликован в 1970 г.) [Брей, Трамп 1990] археологическое знание представлено терминами, обозначающими древние культуры (*абашевскую, горнокрымскую, волосовскую* и др.), древние предметы (*меч, гарпун, ситула*) и их конструктив-

ные элементы (*втулка, ребро, клинок*). Это знание представлено в наименованиях археологических методов – *картографического метода, радиоуглеродного метода, радиометрического анализа* и др. К моменту выхода словаря в специальный раздел археологии выделилось материаловедение, что привело к включению терминов, обозначающих древние материалы: *керамика, серебро, стекло*. Географическое знание выражено в наименованиях континентов и регионов, к которым названия памятников привязаны в Региональном указателе к словарю. Словарь-справочник «Классификация в археологии» [Классификация в археологии 1990] содержит термины, свойственные как собственно археологическому знанию (*артефакт, археологический тип, археологическая культура*), так и математическому (*матрица, таксономия, кластер, корреляция*), философскому (*сущность, свойство, форма*), лингвистическому (*морфема, стиль*).

Научно-популярные и переводные научные словари по археологии содержат, наряду с археологическими терминами, термины других наук: физики, биологии, нумизматики, архитектуры [Матюшин 1996, Саввониди 1995]. Параллельный словарь Й. Граудониса [Graudonis 1994] содержит термины, представляющие археологическое знание: *сосуд – верхняя часть сосуда – оформление верхнего края – расширенная верхняя часть, профилированная верхняя часть, суженная верхняя часть; конская упряжь – шпора – дужка – зев дужки, – шип, петля*. Представлено этнографическое (*этнос, племя, народ, этническая общность*), лингвистическое (*язык, родной язык, праязык*) знание. Мультидисциплинарный характер археологического знания особенно ярко присущ исследованиям в области палеолита [Васильев, Бозински, Бредли 2007]. Поэтому наряду с терминами археологического знания (*горизонт маркирующий, горизонт обитания, горизонт условный*) в словаре по палеолитоведению представлены термины знания биологического (обозначения видов растительного мира и частей животных, их латинские названия), геологического и почвоведческого (термины, обозначающие геологические периоды и типы почв). Словарное выражение учения о древних вещах [Кокорина 2017] согласно концепции В.А. Городцова, французского археолога-теоретика Ж.-К. Гардена [Гарден 1989] и профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.Г. Щаповой [Щапова 2000], опирается на системный подход, восходящий к биологическому и философскому знанию.

Словарным продуктом, наиболее ярко представляющим мультидисциплинарный характер современного археологического знания, является

приложение к работе Ю.Л. Щаповой и С.Н. Гринченко [Щапова, Гринченко 2017]. Он содержит термины биологического (*активность, онтогенез, филогенез, поведение приспособительное*), философского (*деятельность, система, развитие*), математического, в частности, кибернетического (*система самоуправляющаяся (кибернетическая), моделирование числовое, информационная технология, логарифмический масштаб*) знания. Поскольку труд посвящен археологической теории, то велика роль археологических терминов (*археологическая культура, олдован, палеолит, неолит, антроп*), значительная часть которых является авторскими (*коэволюция, метаэволюция, системная память Человечества, археологическая эпоха, субъект археологической эпохи* и др.).

Таким образом, можно сказать, что археологический термин в той мере, в которой он представлен в специальных словарях, является результатом взаимодействия профессиональной когниции и профессиональной коммуникации [Голованова 2011: 39], которые обусловлены мультидисциплинарным характером археологического знания. Названные процессы имели различный характер в разные эпохи, что отражается и в соответствующей терминологии. В результате происходит переход от концепта как стихийного обобщения специального знания к понятию как его теоретическому обобщению [Там же]. Не случайно термины, обозначающие именно понятия теории археологической эпохи, содержатся в последнем из рассмотренных нами словарных продуктов.

Археологическое знание включало в себя элементы разных наук, и характер включаемых в него дисциплин на разных этапах его развития был разным – от гуманитарных дисциплин на начальном этапе его развития до естественнонаучных и математических на современном этапе. Эти процессы нашли свое отражение в терминологии. Изучение внутренней природы термина, обусловленной связью с познанием, коммуникацией и профессиональной деятельностью ученых, проблемы представления знаний в терминологических единицах, собранных в словарях, является частью спектра задач когнитивного терминоведения [Голованова 2011: 40], достижения которого могут быть использованы для изучения меж- и мультидисциплинарного знания, примером которого является знание археологическое.

Литература

- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.
- Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А.* и др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
- Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1989.
- Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
- Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда. Вып. 1. М.: Синодальная типография, 1901. С. 576-672.
- Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М.: Институт археологии РАН, 1990.
- Кокорина Ю.Г.* Словарь археологического вещеведения. М.: Новый хронограф, 2017.
- Кокорина Ю.Г.* Терминосистема концептуальной области «Археология». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. М.: Просвещение: Учебная литература, 1996.
- Савониди Н.Ф.* Картинный археологический словарь (англо-русский). СПб.: Петербургкомстат, 1995.
- Щапова Ю.Л.* Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000.
- Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н.* Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Наука: Флинта, 2018.
- Graudonis J.* Arheoloģijas terminu vārdnīcā. Rīga: Zinātne, 1994.

J.G. Kokorina (Moscow, Russia)
Moscow Polytechnic University
kokorina@inbox.ru

THE INTERDISCIPLINARY NATURE OF MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ITS REPRESENTATION IN TERMINOLOGY (FOR EXAMPLE, ARCHAEOLOGICAL DICTIONARIES)

One of the tasks of the cognitive science of terminology is the study of the problems of representing scientific knowledge in terminology. In this paper,

based on the analysis of terminological dictionaries of archaeology, the conclusion is made about the multidisciplinary nature of archaeological knowledge and the trends in the development of terminology.

Key words: cognitive terminology, multidisciplinary knowledge, science, archaeological terminology, special dictionaries.

А.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

Сложный мир исторического прошлого не дан историку в непосредственном опыте. Он является ментальным образованием, созданным посредством языка. Заменяя традиционные термины новыми, историки создают картину мира прошлого, отвечающую идеологическим потребностям современного мира.

Ключевые слова: картина мира, языковое конструирование, ментальные пространства, замена терминов, искажение исторического прошлого.

Когнитивная лингвистика – одно из самых бурно развивающихся направлений современного языкознания, рассматривая язык как ментальный инструмент систематизации, обработки и передачи информации, акцентирует внимание на передаваемом им значении, изучая его с позиций значения как одну из форм познания мира. Значение является не только объективным отражением внешнего мира, но и способом его конструирования и формирования. Данная идея, вербализованная учеными в 20-х годах XX века, восходит к философам XVIII века, она вызревала в трудах Гумбольдта.

В настоящее время данная проблема приобрела особую значимость в связи с выявлением влияния языка как органа внутреннего бытия, находящегося в процессе внутреннего самопознания [Кононенко 2003], на сознание человека. Представление В. фон Гумбольдта о языке, преобразовывающем мир в идеи и изменяющем его, влияющем на мысли и поступки людей, которые воспринимают мир сквозь призму своего род-

ного языка, позволило в XX веке под влиянием «лингвистического поворота» выдвинуть гипотезу о языке как средстве формирования мышления и мировоззрения людей. Идея, кратко выраженная в формуле, ставшей максимой лингвистики постмодернизма: «Язык – это форма, определяющая образ наших мыслей» [Whorf 1964], воспринималась как откровение, поскольку утверждала, что картина мира – центр духовной жизни, материальным воплощением которой предстает язык, определяется языковой картиной мира. Это вербализованное выражение мыслей В. фон Гумбольдта о языке, конструирующем мир, в котором живет человек, не всегда воспринимается однозначно. Гипотеза языка как «эмпирического феномена бытия» [Кравченко 2005], определяющего сознание, получила дальнейшее развитие в концепции Л. Вайсгербера, который рассматривал язык как «промежуточный мир», существующий между объективной реальностью и сознанием [Вайсгербер 2009: 152]. В эпоху постмодернизма философы не только поддержали, но и на практике показали, что единственной реальностью бытия языка [Лиотар 1998] является «человек в языке и язык в человеке» [Бенвенист 1974: 259]. В языковой картине мира фиксируется знание человека о мире; она формирует общее мировидение у носителей одного языка. В настоящее время наблюдается борьба за ментальное пространство масс посредством переписывания истории. История – наука о прошлом человеческого общества, создает масштабную панораму его развития, определяя каждому народу его место в системе исторических координат. История, будучи неперцептивной наукой, основное внимание акцентирует на языке, посредством которого интерпретирует не подлежащие изменению факты с позиций официальной идеологии, принятой на конкретный момент развития общества. История – политика прошлого – не может не учитывать происходящие в мире изменения. Язык дает возможность реконструировать историческую действительность. Сложный мир прошлого, который не дан историку в непосредственном опыте и ощущениях, является, по сути, ментальным образованием, созданным посредством языка, который «опредмечивает» непредметные явления и, будучи одним из ключевых компонентов модели мира прошлого, оказывает определяющее влияние при его восприятии. Слова, управлявшие обществом на протяжении эпох, введившие иерархию, создававшие законы, давившие весом с высоты своего положения, раскрывают специфику мышления людей прошлого, создавая представления об их жизни в конкретный исторический период [Миньяр-Белоручева 2017]

в виде «концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев 2000: 22]. Концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 40], будучи когнитивной единицей, дает возможность на основе анализа слов, дошедших из глубин прошлого, реконструировать канувший в Лету мир, понять мысли людей, которыми они руководствовались в своей практической деятельности.

В концепте – ментальном образовании, в котором преломляется множество образов, вызванных переплетением сложных связей, выделяют «образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [Карасик 2004: 126]. Это дает возможность допустить, что основное значение слова, некогда вышедшего из употребления, но реанимированного в языке историка, уходящее корнями в прошлое, в котором его некогда разветвленные ассоциативные связи утеряны, позволяет проникнуть в концептосферу прошлых веков – хранилище культурной памяти человечества. Концептосфера прошлого не всегда подлежит реконструкции, поскольку характеризуется сложностью и противоречивостью [Гуревич 1999: 40].

В историческом прошлом, когда скорость в основном измерялась шагами человека, медленно менялась не только картина мира наряду с языковой картиной, но и значения слов, это происходило на протяжении веков, что, однако, не помешало обогатить концепты новыми образами и расширить концептосферу, касающуюся прошлого человечества. Наиболее частому изменению подвергалась хронология. Каждый правитель, желая сделать свое правление наиболее значимым, начинал свой отсчет исторического времени. Человечеству потребовалось 200 лет для того, чтобы начать вести летоисчисление от Рождества Христова, обозначив его латинской аббревиатурой AD, и еще более 200 лет потребовалось на введение указания на то, что происходило до этого, введя аббревиатуру BC. Данные обозначения хронологии просуществовали в странах Западной цивилизации до середины 1970-х годов, когда под предлогом заботы о «виктимизированном меньшинстве» новые аббревиатуры не пришли на смену традиционным, получив обозначение CE (Common Era) и BCE (Before Common Era). По сути, это был новый виток в изменении сознания масс, его десекуляризации, которое стало первым шагом к замене устоявшихся исторических терминов новыми, что, в свою очередь, не могло не привести к разрушению старой и созданию новой картины исторического прошлого.

С введением пространственно-темпорального термина Late Antiquity исчезла необходимость деления шкалы времени на то, что было до и после

Рождества Христова, поскольку данный термин охватывал первый век до нашей эры и первые пять веков нашей эры, создавая новое представление о том, что произошло на Ближнем Востоке и в Западной Европе после падения Римской империи, которая, согласно новым терминам, не пала (decayed), а пережила 'religious and cultural revolution'. Постмодернистская реконструкция истории упадка и падения Римской империи не была печальной и мрачной, поскольку слова, а вместе с ними и концепты 'decline and fall of the Roman Empire' были упразднены из лексикона историков. На их место пришли новые, нейтральные, ничего не значащие слова такие как 'transition', 'change', 'transformation'. Завоевателей – 'invaders' заменили на 'Germanic peoples'. [Brown, 1971]. Таким образом, замена терминов привела к созданию новой истории Европы, в которой не было насилия и войн, и народы всегда жили мирно и дружно.

Несомненно, пока существует история Гиббона 'Decay and Fall of the Roman Empire', сложно принять новую историю Европы, которую оказалось так легко создать в ментальном пространстве готовых к ее принятию реципиентов. Как показывают многочисленные исследования, обозначение одних и тех же исторических событий разными способами приводит к изменению их смысла и восприятия. Замена коннотативно маркированных слов и терминов на нейтральные создает историю, в которой Римская империя эволюционировала в новое, равное по значимости ей образование, а народы продолжали жить в достатке и процветании, минуя некогда ошибочное представление о «Темных веках» – Dark Ages.

Историкам удалось реконструировать не историю борьбы между германским и латинским народом, которая тяжелым грузом памяти мешала им счастливо развиваться в современном Европейском образовании, а историю их мирной совместной деятельности, которая больше отвечает современным ценностям Евросоюза. Каждое поколение историков в угоду политике стремится создать новую историю. Исторические термины являются хранителями исторической памяти человечества, которые не следует отбрасывать ради создания деформированной истории прошлого, которая оседает в сознании молодого поколения. Несомненно, вербально созданная картина исторического мира всегда несет на себе печать субъективности, однако ее не следует искажать ради новой интерпретации событий. Историкам следует опираться на труды, созданные их предшественниками, несмотря на великое желание жить в мире, созданном словами. Если

«язык – дом бытия» [Хайдеггер], то где место реальности? Сентенция «мир есть только там, где есть язык» о том, что жизнь человека протекает в языке, что язык и есть воплощение бытия [Хайдеггер 1988], привела историков-постмодернистов к мысли, что именно язык создает не только историческую, но и любую реальность. Представляется, что когнитивная лингвистика позволит найти баланс, в котором гармонично соединятся мир, созданный языком, и реальная действительность.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.
- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009.
- Гуревич А.Я.* Избранные труды в 4-х т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.; СПб: Университетская книга, 1999.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Кононенко Б.И.* Культурный код // Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, 2003.
- Кравченко А.П.* Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи: Жанр и концепт / В.В. Дементьев (ред.). Саратов: Колледж, 2005. С. 84-102.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998.
- Миньяр-Белоручева А.П.* Языковая картина исторического прошлого // Клио. 2017, № 11. С. 20-30.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
- Brown P.* The World of Late Antiquity. New York; London: W.W. Norton & Company, 1971.
- Whorf B.L.* Language, thought and reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf. Ed. by John B. Carrol. Cambridge, MA: The MIT Press, 1964.

Minyar-Beloroucheva A.P. (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
ostver@mail.ru

LINGUISTIC RECONSTRUCTION OF THE HISTORICAL PAST WORLDVIEW

The challenging world of the historical past that is not given to historians in the immediate experience. It is a mental phenomenon made due to language. Replacing traditional terms with new ones, historians create the worldview of the historical past that meets the ideological needs of the modern world.

Key words: worldview, language construction, mental spaces, replacement of terms, distortion of the historical past.

И.В. Rogozina (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова*
irogozi@mail.ru

Н.Ю. Бухнер (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова*
nbuhner@mail.ru

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЭТНОС В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статья посвящена реконструкции фрагмента этнопсихологической ментальности, включающего отношение жителей Алтайского края к азербайджанцам-мигрантам. Реконструкция осуществляется с использованием шкалы *этнически детерминированное отношение*.

Ключевые слова: этнос, этнопсихологическая ментальность, когнитивное моделирование, шкала *этнически детерминированное отношение*.

Отличительной чертой современного этапа развития науки является внимание представителей академического сообщества к проблематике,

связанной с различными аспектами взаимодействия этносов и культур [Кишина 2012; Илиополова 2009; Рогозина 2004; Orlenius 2008; Stouffer 1955; Weldon 2006]. На наш взгляд, особый интерес представляет реконструкция этнически детерминированных когнитивных моделей, формируемых под влиянием интенсифицировавшихся в последнее время миграционных процессов. Такие модели, или фрагменты этнопсихологической ментальности (ФЭМ), становятся важной частью обыденного этнического сознания, которое определяется как «обладающее несистемным характером» знание, «основанное на практически-чувственном опыте рядовых носителей языка, производимое повседневно в условиях элементарных жизненных ситуаций» [Кишина 2012].

Известно, что природа обыденного этнического сознания дуальна в силу тех базовых, архетипических когнитивных структур, которые лежат в основе его формирования. Одной из таких структур, несомненно, является бинарная ментальная схема «свой-чужой», использование которой определяется тем, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)» [Лотман 2000: 257]. По мнению К.С. Илиополовой, дуально-этническое отношение «мы-они» можно проследить на любом этапе развития общества, что непосредственно относится и к современности, поскольку «... в связи с массовыми миграциями населения процветает конфронтация между мигрантами и «местными», поселенцами и коренными жителями» [Илиополова 2009: 2].

Высоко оценивая объяснительную силу ментальной схемы «свой-чужой», мы хотели бы акцентировать, что обыденное этническое сознание во многих случаях не имеет выражено амбивалентного характера, а обнаруживает самые различные градации как отчуждения одного этноса от другого, так и частичного «вхождения» одного этноса в мир другого [Рогозина 2004]. По этой причине когнитивные структуры этнического сознания более целесообразно моделировать с применением градуированной шкалы *этнически детерминированное отношение*, включающей такие отрезки, как *толерантное, условно интолерантное и интолерантное отношение*. Вычленение таких отрезков шкалы непосредственно соотносится с мыслью о том, что этничность «воспринимается как объективно определяющая поведение и мышление членов этнических групп и накладывается на группы как “мерка”» (Курсив наш – И.Р., Н.Б.) [Краснопольская, Солодова 2013]. В свете сказанного целью настоящей работы является апробация этой шкалы на предмет выявления ее возможно-

стей для реконструкции фрагмента этнопсихологической ментальности на основе экспериментальных данных.

Для достижения поставленной цели авторы провели экспериментальное исследование с использованием методики ненаправленного ассоциативного эксперимента как средства доступа к фрагменту этнического сознания. В эксперименте приняли участие 100 студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Словом-стимулом стала лексема *азербайджанцы*, выбор которой был обусловлен постоянным увеличением количества азербайджанцев-мигрантов в Алтайском крае.

Полученные 100 реакций рассматривались как репрезентанты фрагмента этнопсихологической ментальности, подлежащего реконструкции. На начальном этапе реконструкции ФЭМ полученные реакции были отнесены к одному из компонентов концепта АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ – *понятию, представлению, эмоции/оценке* в зависимости от особенностей фиксации в них этнически детерминированного знания [Пищальникова 2001, 2004]. На следующем этапе были предприняты попытки разнести репрезентанты каждой из трех групп по отрезкам шкалы *этнически детерминированное отношение*.

К эмоционально-оценочному компоненту концепта было отнесено 37 реакций (37 %). Репрезентанты эмоции/оценки отразили целый спектр неоднозначного отношения респондентов к представителям этноса. Примечательно, что эмоционально-оценочные реакции неравномерно распределились по шкале *этнически детерминированное отношение*. На отрезке шкалы *толерантное отношение* оказалось четыре положительно-оценочных ассоциата, или 10,8 % от общего числа эмоционально-оценочных реакций – *друг* (1), *братский народ* (1), *тепло* (2).

Выражением срединной, условно интолерантной оценки явились 22 реакции (59,5 % от всех эмоционально-оценочных ассоциатов). Эта группа реакций отчетливо демонстрирует восприятие представителей азербайджанского этноса как иностранцев. Вместе с тем, она не содержит явных маркеров вербальной агрессии: *иностранцы* (4), *нерусские* (1), *эмигранты* (2), *приезжие* (4), *приехали* (1), *переселенцы* (1), *подселенцы* (1), *беженцы* (1), *нелегалы* (1), *гастарбайтеры* (1), *слова* (1), *Африка* (1), *красавчики* (1), *строгость* (1), *жестокость* (1). Ассоциаты этого отрезка шкалы показывают, что азербайджанцы воспринимаются респондентами как чужие, поскольку у них другая национальность (*нерусские*,

иностранцы), они приехали с иной территории (*приезжие, нелегалы, эмигранты, переселенцы*) с жарким климатом (*Африка*), они являются носителями строгих традиций (*строгость*), приезжающими в поисках низкостатусной, низкооплачиваемой работы (*гастарбайтеры*), говорящими на незнакомом языке (*слова*) и имеющими жестокие нравы (*жестокость*).

Оставшиеся 11 (29,7 %) эмоционально-оценочных реакций отнесены к подгруппе интолерантных. Они содержат маркеры вербальной агрессии: *азеры* (2), *хачи* (2), *чурки* (1), *козлы* (1), *уроды* (1), *черные* (2), *грязные* (1), *террорист* (1). Подобная лексика непосредственно связана с этничностью и осознанием собственного превосходства по следующим основаниям: национальность (*азеры, хачи*); умственные способности (*чурки, козлы, уроды*); внешний вид (*черные, грязные*).

Количество реакций, отнесенных к понятийному компоненту концепта, составило 35 (35 % от общего числа реакций). На наш взгляд, все они находятся на отрезке шкалы *толерантное отношение*. Наиболее частотными реакциями оказались лексемы, отражающие иную этническую принадлежность азербайджанцев – *нация* (7), *национальность* (4), *народ* (4), а реакция *люди* (5), напротив, свидетельствует о нежелании проводить этническую дифференциацию. Еще одна группа реакций демонстрирует важность территориальной разграниченности этносов, иногда осуществляемой респондентами ошибочно – *Азия* (2), *Средняя Азия* (1), *Кавказ* (2), *Баку* (3). Кроме того, респонденты фиксируют в своих реакциях следующие значимые для них особенности азербайджанского этноса: его принадлежность к особой группе народов (кавказцы) и религии (мусульмане).

Аналогичное толерантное отношение к представителям этой этнической группы видится и в реакциях-представлениях, составивших группу из 28 ассоциатов, большинство из которых фиксирует особенности внешнего вида и той трудовой деятельности, которой азербайджанцы занимаются на территории Алтайского края. Значимыми когнитивными признаками оказались:

- примечательные особенности внешнего вида мигрантов: *борода* (2), *бородатые* (1), *брови* (1), *платок* (1);
- физический характер труда: *работа* (1), *рабочие* (1);
- трудовая деятельность: *строители* (1), *дворники* (1), *ремонт обуви* (1);
- продукты предпринимательской деятельности: *фрукты* (1), *арбузы* (3), *бананы* (1), *апельсины* (1), *дыни* (1), *персики* (1), *шаурма* (1), *лепешка* (1), *плов* (1), *аджика* (1).

В результате предпринятого лингвокогнитивного моделирования репрезентанты компонентов концепта АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ, распределенные по шкале *этнически детерминированное отношение*, открывают фрагмент этнопсихологической ментальности, который предстает как качественно и количественно неоднородный, что находит выражение в элементах его структуры.

ОТРЕЗОК ШКАЛЫ <i>ЭТНИЧЕСКИ ДЕТЕРМИНИРОВАННОЕ ОТНОШЕНИЕ</i>	ЭЛЕМЕНТЫ СТРУКТУРЫ ФЭМ		
	ПОНЯТИЕ	ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ЭМОЦИЯ/ ОЦЕНКА
ТОЛЕРАНТНОЕ	100 %	100 %	10,8 %
УСЛОВНО ИНТОЛЕРАНТНОЕ	0 %	0 %	59,5 %
ИНТОЛЕРАНТНОЕ	0 %	0 %	29,7 %

Приведенная таблица делает прозрачной как саму структуру ФЭМ, так и ее качественные и количественные характеристики. Если компоненты *понятие* (100 %) и *представление* (100 %) являются гомогенными и сконцентрированы исключительно на отрезке *толерантное отношение*, то эмоционально-оценочные репрезентанты неоднородны и рассредоточены по отрезкам шкалы: *толерантное* (10,8 %), *условно интолерантное* (59,5 %) и *интолерантное отношение* (29,7 %). В сумме на отрезке *толерантное отношение* расположилось 67 % от общего числа реакций. Это количество складывается из 35 реакций-понятий, 28 реакций-представлений и 4 эмоционально-оценочных реакций. На отрезке *условно интолерантное отношение* расположено 22 % всех реакций, представленных 22 эмоционально-оценочными ассоциатами, а на отрезке *интолерантное отношение* находится 11 % всех реакций, являющихся эмоционально-оценочными. Таким образом, в пределах всего ФЭМ характер отношения к азербайджанцам-мигрантам выступает как проявление преобладания толерантности над «интолерантными включениями».

Литература

Илиополова К.С. Противоречие «Свой-чужой» в социокультурной коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Кишина Е.В. «Свой-чужой» как организующий фактор лингвоконфликтологического потенциала обыденного политического сознания. URL: <http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija2012>.

Лотман Ю.М. Семiosфера / Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000.

Краснопольская И.Г. Социальное конструирование этничности // Социс. 2013. № 12. С. 26-34.

Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.

Пищальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности / Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей / под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. Москва; Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 120-127.

Orlenius K. Tolerance of intolerance: values and virtues at stake in education // Journal of Moral Education. 2008. № 37 (4). P. 467-484.

Stouffer S.A. Communism, Conformity and Civil Liberties. New York: Doubleday, 1955.

Weldon S.A. The institutional context of tolerance for ethnic minorities: a comparative, multilevel analysis of western Europe // American Journal of Political Science. 2006. № 50 (2). P. 331-349.

I.V. Rogozina (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University
irogozi@mail.ru

N.Yu. Buhner (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University
nbuhner@mail.ru

AZERBAIJAN ETHNOS IN THE MIRROR OF ETHNOPSYCHOLOGICAL MENTALITY

The paper is focused on simulating a fragment of ethnopsychological mentality which includes that attitudes of Altai Krai's inhabitants to Azerbaijan migrants. The simulation is carried out based on the scale *ethnically determined attitude*.

Key words: ethnos, ethnopsychological mentality, cognitive simulation, ethnically determined scale.

С.А. Хамшовски (Будапешт, Венгрия)

*Будапештский экономический университет прикладных наук
Hamsovszki.Szvetlana@uni-bge.hu*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОФОНАМ (НА ПРИМЕРЕ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена вопросу семантизации экономической лексики в свете когнитивной лингвистики. Автор указывает на важность учета особенностей языковой картины мира и родного языка целевой аудитории в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: семантизация, концептуализация, контекст, когнитивный подход, экономическая лексика.

Процесс расширения международных контактов оказывает влияние на общественную жизнь и способствует появлению новой лексики в сфере экономики. Необходимость овладения языком специальности требует от участников международного общения не только владения данным языком в рамках социально-бытовых тем, но и знания профессиональной терминологии.

В настоящее время во многих языках профессиональная терминология заменяется словами другого языка, происходит процесс заимствования иностранной лексики.

Общеизвестно, что у носителей разных языков существует своя концептуализация явлений действительности, которая особенно ярко проявляется на семантическом уровне. Необходимость перестройки мышления, перекаривания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком [Тер-Минасова 2008: 49].

При изучении неродного языка происходит некий перенос значений слов и ассоциативных связей на основе уже сложившихся концептов. Особенности сознания и языковой картины мира носителей определенного языка следует учитывать при обучении иностранному языку и при планировании учебного процесса опираться на основные методические принципы, в том числе принципы сознательности и опоры на родной язык учащихся как одни из ведущих при обучении русскому языку как иностранному, обеспечивающие когнитивный подход к преподаванию неродного языка.

Так, например, носители венгерского языка при изучении русского языка часто сталкиваются с трудностями, связанными не только с флективностью русского языка, но и другими грамматическими признаками. Следует отметить, что в венгерском языке отсутствует категория рода. Формы имен существительных и прилагательных часто совпадают: *fő* – голова, *fő* – главный (-ая, -ое, -ые), что значительно затрудняет усвоение иностранного языка. В венгерском языке, так же как и в русском, существует способ словообразования путем сложения двух слов: *fő + igazgató* (дословно: голова + директор), *fő + város* (голова + город), *kormány + fő* (государство + глава), *fő + titkár* (голова + секретарь). На русский язык эти существительные переводятся соответственно как *генеральный директор*, *столица*, *глава государства*, *генеральный секретарь*. Как видим из вышеперечисленных примеров, в данных словах и словосочетаниях русского языка не всегда присутствует сема *главный*. Более того, в венгерском языке значения вышеуказанных понятий могут заключаться в существительном в то время, как в русском часто выражено не одним словом, а словосочетанием. Венгерское слово *fő* не во всех случаях на русский язык переводится словом *главный*, что связано со спецификой концептуализации в разных языках. Эти отличия влекут за собой и сложности следующего характера: от учащихся требуется сформированность навыков согласования прилагательных с существительными и употребления родительного падежа.

Практика показывает, что процесс семантизации лексики, в частности экономической, требует междисциплинарного подхода. Многие преподаватели русского языка как иностранного уже давно отказались от предъявления и семантизации изолированного слова.

Рассмотрим обоснованность такого приема на конкретных примерах из практики преподавания русского языка венгерским студентам Будапештского экономического университета прикладных наук. В качестве примера, иллюстрирующего национально-культурные особенности концептуализации явлений действительности, рассмотрим понятие *экономика*. Если в русском языке существует слово *экономика*, в английском *economy*, а во французском *économie*, то в венгерском сохраняется исконное *gazdaság* – дословно *хозяйство* от *gazda* – хозяин. В контексте данное слово также может иметь значения *владелец* и *крестьянин*. Предмет, изучающий экономику – *gazdaságtan*, где значение словообразовательного элемента *-tan* соответствует значению русского слова *наука*. Прилагательному *экономи-*

ческий соответствует венгерское *gazdasági*. Более того, паронимы *экономный* и *экономичный* переводятся одним словом *gazdaságos*.

В учебных текстах по специальности встречаются следующие словосочетания: *бюджетные расходы*, *бюджетная политика*, *работник бюджетной сферы*, *бюджетный год*, *бюджет государства или предприятия*. Объемы значения русского и венгерского слов, употребляемых в данных словосочетаниях, совпадают, что изучающим русский язык дает определенную уверенность в правильном понимании семантики слова *бюджетный*. Однако они не в состоянии адекватно перевести на венгерский язык словосочетание *бюджетные авиалинии*, так как это выходит за рамки уже существующего в венгерском языке концепта, а ассоциативные связи слов русского языка еще недостаточно сформированы. На основе имеющихся ассоциативных связей родного языка и когнитивного опыта слово *бюджетный* переводят как «требующий дополнительных затрат, т.е. дорогой». В венгерском языке понятие *бюджетный* передается словом *fapados*, что означает «вагон с деревянными скамейками». Такие вагоны существовали в Венгрии в 50-е годы прошлого века. Как видим, в семантике русского слова преобладает сема «недорогой», а в венгерском – «неудобный». Встречающееся в разговорном русском языке выражение *бюджетный телефон* у носителей венгерского языка ассоциируется с понятием *служебный телефон*, т.е. телефон, выданный работнику бюджетной сферы для пользования им в служебных целях.

Приведенные примеры иллюстрируют необходимость формирования ассоциативных связей при изучении лексики иностранного языка, что снижает интерференцию родного языка. Целесообразно запоминать слова в характерных для изучаемого языка словосочетаниях, что способствует усвоению их национально-специфического и стилистического своеобразия [Методика 2016: 199].

Формирование пласта экономической лексики венгерского языка в значительной степени обусловлено экстралингвистическими причинами. Исторически сложилось так, что представители венгерской культуры образуют новые слова и легче пользуются ими, чем заимствованными. Так, например, носители венгерского языка намного реже пользуются словом *computer*, чем – *számítógép*. Догадаться о значении слова *смартфон* смогут только владеющие английским языком, так как в венгерском языке появилось слово, соответствующее новой реалии: *okostelefon*, где *okos* значит *умный*.

Во многих языках, в том числе и русском, для обозначения реалии «представитель охраны правопорядка» в настоящее время используется заимствованное *полицейский*, а не исконно русские слова *урядник* или *городовой*. Для сравнения приведем пример. В английском это *policeman*, в немецком – *polizist*, во французском – *le policier*, в итальянском – *il poliziotto*, в польском – *policjant*. В венгерском языке и в этом случае сохранилось исконное слово *rendőr*, *rend* означает «порядок», *őr* – «охранник». Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем случае. В русском языке используется словосочетание, заимствованное из английского: *прайс-лист* (*price list*), а в венгерском сохраняется исконное выражение – *árjegyzék*, в котором *ár* означает *цена*, а *jegyzék* – список, т.е. дословно «список цен». Аналогично в русском языке используется слово *риелтор* (от англ. *realtor*), а в венгерском – *ingatlanügynök*, где *ingatlan* означает недвижимость, а *ügynök* – агент, т.е. «агент по недвижимости» (*ügy* соответствует русскому *дело*). «Русско-му словосочетанию» *информационный бюллетень* соответствует венгерское существительное *hírlevél*, где *hír* – новость, а *levél* письмо, лист (архаичная форма). В венгерском языке также отсутствуют заимствования для передачи значений *офис* и *бюро*. Используются исконные *iroda*, в котором словообразовательный компонент *ír* значит «писать»; и *hivatal*, где *hív* значит «звать или вызывать кого-то куда-то».

Более того, вместо *гаджет* или *девайс* используется исконное слово *kütyü*, что значит (*техническая*) *штучка*. Ранее это слово употреблялось как жаргонизм, сейчас употребляется в разговорном стиле речи и постепенно переходит в научный стиль вместе со словом *технический*.

Однако процесс глобализации способствует проникновению заимствованных слов и в венгерский язык, что в таких случаях помогает инофонам адекватно понять значение русского заимствованного слова. Так, в рассматриваемом нами пласте лексики существуют и уже достаточно широко используются слова: аудит – *audit*, менеджер – *menedzser*, брокер – *broker*, лизинг – *lizing*.

Таким образом, при работе над лексикой специальности необходимо учитывать, что на этапе семантизации экономической терминологии следует указывать на возможные семантические расхождения и предьявлять слова в контексте, а не изолированно. В целях адекватного перевода следует принимать во внимание особенности целевой аудитории. Учет национально-культурных особенностей и родного языка целевой аудитории является важным фактором при осуществлении адекватного перевода, что обеспечивает когнитивный подход к обучению русскому языку как иностранному.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.

Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов / под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.: Русский язык. Курсы, 2016. 320 с.

Sz. Hamsovszki (Budapest, Hungary)

Budapest Business School – University of Applied Sciences

Hamsovszki.Szvetlana@uni-bge.hu

ON THE ISSUE OF SEMANTIZATION OF ECONOMIC VOCABULARY IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO HUNGARIANS

This article is devoted to the issue of semantization of economic vocabulary in a view of cognitive linguistics. The author points to the importance of the language picture of the world and the native language of the target audience in the process of teaching Russian as a foreign language.

Key words: semantization, conceptualization, context, cognitive approach, economic vocabulary.

А.Ю. Хоменко (Нижний Новгород, Россия)

Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»

akhomenko@hse.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР НА ОСНОВЕ МЕТОДИК АВТОРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Публикация посвящается интеграции классической автороведческой методики качественного анализа речевых единиц, основанной на исследовании

структурных характеристик текста, и методики когнитивного анализа языковой личности. Результатом исследования стало практическое обоснование возможности такой интеграции и модель языковой личности, выстроенная на основе сочетания указанных методик.

Ключевые слова: когнитивные структуры, речевое моделирование, автороведение, атрибуция текста.

В статье пойдёт речь об использовании методики анализа языковой личности (ЯЛ) Ю.Н. Караулова [Караулов 1987] в качестве основания для моделирования ментально-когнитивных структур, присущих определённой ЯЛ, с целью установления некоторых внетекстовых реалий, а именно принадлежности речевого материала одному или нескольким (разным) лицам.

Практическая задача была поставлена следующим образом: имелось несколько блоков текстовых сообщений популярного мессенджера с различными выходными данными (никнеймами, логинами) общим объёмом 65 466 слов; для установления факта сговора в составе группы лиц с выделенным лидером следствию необходимо было определить, одному или разным лицам принадлежат эти сообщения; исследование проводилось в рамках ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств...».

Для решения практической задачи была использована интегрированная методологическая база: сочетание классической для отечественной школы методики атрибуции текста С.М. Вула [Вул 2007], вбирающей в себя анализ структурных характеристик речи пишущего, и моделирование когнитивных единиц, входящих в состав ЯЛ [Караулов 1987]. На первом этапе текстовый материал исследовался по С.М. Вулу с точки зрения составляющих на всех уровнях языка (за исключением фонетического, поскольку лингвист имел дело с письменной речью), а также внесистемных элементов науки о языке (т.е. с точки зрения орфографии, стилистики и пр.). На основе информации о сочетании структурных характеристик текста на втором этапе исследования моделировалась ЯЛ на когнитивном и прагматическом уровнях. Вывод о принадлежности текстового материала одному или нескольким лицам делался на основе сопоставления моделей ЯЛ авторов текстовых блоков под разными никнеймами, логинами.

Итак, на первом этапе исследования было определено, что уровень речевой культуры лица, обозначенного в переписке как «*m_r@_ber.cz*»,

средний: с одной стороны, коммуникант обладает неплохими навыками общения на лексическом уровне (использует разные языковые регистры, фразеологию, способен к вербальной креативности); с другой стороны, пишущий показывает достаточно низкий уровень владения компетенциями письменной речи, связанными с орфографией, синтаксисом и пунктуацией:

- с точки зрения орфографии в речи коммуниканта преобладает неверное раздельное написание многих частей речи (местоимений, прилагательных, наречий), ошибки при написании девербативов, удвоенных согласных, непроверяемых гласных; основной орфографической особенностью письменной речи лица, обозначенного как «*m_r@_ber.cz*», является ошибочное написание -тся, -ться в глаголах («*выплаты производятся*»), неверное написание форм второго лица единственного числа («*то чем ты занимаешься*») и ошибки в иных глагольных формах (например, в причастиях «*нарабатон*»);
- с точки зрения синтаксиса следует отметить эпизодические вкрапления грамотного оформления синтаксических структур на основном фоне ненормативности (полипредикативность и эпизодическое верное оформление сложных синтаксических конструкций в сочетании с отсутствием знаков препинания в сложных предложениях, а также при оформлении вставных элементов); такая тенденция говорит о недостаточности опыта оформления в письменном виде сложных предикативных структур; более того, «*m_r@_ber.cz*» имеет очень яркие синтаксические идиосинкроземы: избыточное использование знаков препинания, использование точек в конце сообщения (точки редко используются в конце сообщений, продуцируемых в мессенджерах), элементы «разговорного написания» (сокращения без точек);
- идиосинкротической стилевой чертой оформления для «*m_r@_ber.cz*» является постановка пробела перед «смайлами» и знаками препинания;
- для коммуниканта характерны также грамматические ошибки и опiski.

На основе анализа структурных характеристик речи лица в совокупности с исследованием контекста можно определить, какие из речевых элементов актуализируются (на основе их частотности и поставки в сильные

семантические позиции), представляя для пишущего либо аксиологическую, либо коммуникативную (прагматическую) ценность, и выстроить модель его ЯЛ на когнитивном и прагматическом уровнях.

Так, на втором этапе анализа удалось создать модель ЯЛ пишущего (строго говоря, это лишь фрагмент модели ЯЛ, поскольку исследовались не все когда-либо созданные тексты автора, а лишь часть их, продуцированная в определённой коммуникативной ситуации) с развитым прагматиконом на службе у основной коммуникативной задачи автора (его главной идеи): вынудить своих подчинённых работать больше и в лучшем качестве. Особенностью исследуемой ЯЛ является именно развитость средств прагматикона: автор, несмотря на средний уровень речевой культуры и неофициальный стиль общения с собеседником, априори обладающим низким уровнем речевой культуры (общение ведётся с криминальными элементами), намеренно использует большое количество слов, близких к лексике официально-делового стиля, сложные и осложнённые синтаксические конструкции («*А процесс построен на принятии решении мгновенном где сделать или проводишь подготавлительную работу и НА БУДУЩЕЕ запоминаешь свои маршруты и список адресов ?*»), «*На первом этапе я естественно помогу с билетами и арендой квартиры. В дальнейшем эти затраты мы вычтем из твоей ЗП.*» и пр.) в сочетании с элементами разговорной речи, «смайлами» и фразеологией («*Тачка дело нужное*»), «*Про ЗП, держу руку на пульсе*»). Такой приём, с одной стороны, делает речь понятной адресату, с другой – устанавливает статус говорящего как более высокий по отношению к собеседнику. На этом фоне для прагматического уровня описываемой ЯЛ очень характерно использование тактики аргументации в рамках речевой стратегии убеждения. Используется также тактика участия: «*Выпрашивать не приятно конечно, понимаю.*», «*Поэтому ты мне всегда можешь написать и мы стобой обо всем поговорим*»); приободрения в сочетании с высокой оценкой собеседника: «*А грамотно и четко делать с твоими способностями я уверне ты научишься очень быстро*»); юмор: «*Люди поехали есть шашлыки и смотрю что торговля чуть просела*»; автор сообщений показывает свою заинтересованность в собеседнике: «*Как тебе работа, нарвится ?*», «*Мне было приятно с тобой сегодня, наконец то познакомиться и пообщаться*»).

Итак, в рамках рассматриваемой коммуникации модель анализируемой ЯЛ можно представить в виде следующей упрощённой схемы (рис. 1):

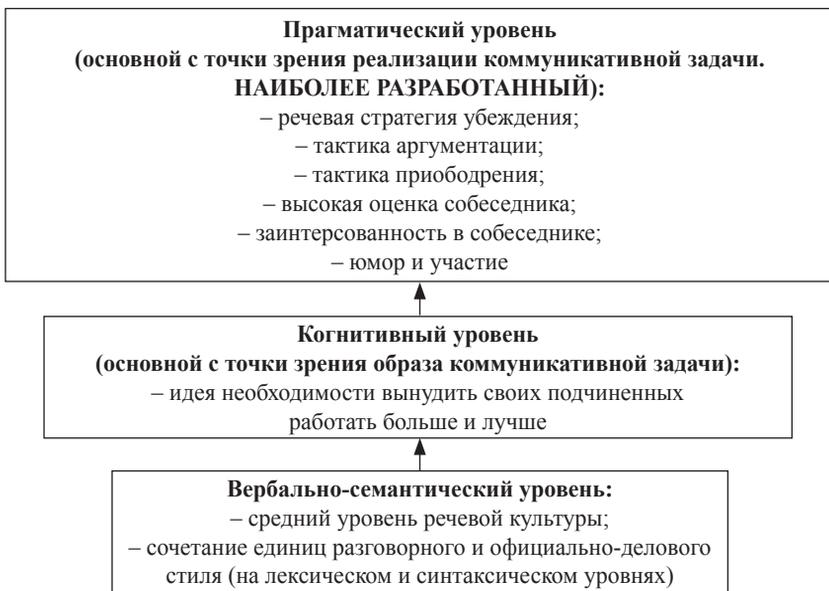

Рис. 1. Упрощённая схема фрагмента ЯЛ «m_r@_ber.cz»

Из схемы видно, что наиболее объёмным является прагматический уровень ЯЛ пишущего, на когнитивном уровне проявляется лишь одна идея, сопоставляемая с коммуникативной задачей; эта идея реализуется посредством сочетания в речи элементов разговорно-сниженного и официально-делового стилей речи в рамках разработки всё той же прагматической направленности текста.

Важно, что именно когнитивный анализ ЯЛ пишущего помог сделать вывод о принадлежности всех спорных текстов одному лицу. На уровне структурных элементов текста в анализируемых сообщениях имеет место неустойчивость реализаций (в некоторых текстовых блоках налицо более глубокое владение компетенциями лексического уровня, в иных оно проявляется меньше и пр.), которая, безусловно, мотивирована объёмом коммуникации и находится в пределах внутриавторской вариативности, тем не менее может ввести исследователя в заблуждение и привести к неверным выводам. Когнитивный и прагматический уровни в целом, а также частные реализации внутри этих уровней более устойчивы для любой

ЯЛ в принципе и для исследуемой ЯЛ в частности, поскольку эти уровни включают в себя глубинные структуры сознания, установки и ценности, формируемые в течение всей жизни, а также оформленный с помощью эмотивно-эмпирического опыта комплекс реализаций речевых стратегий и тактик и собственно сами стратегии и тактики. Понимание этого и стало в настоящей работе ключом при формировании вывода об одной когнитивной природе текстового материала под разными логинами и никнеймами, а следовательно, об атрибутировании этого материала одному лицу.

Так, экспериментально подтверждено уместное сочетание анализа со структурной и когнитивной точек зрения при атрибуции текста. Более того, опытным путём выявлена необходимость интегрирования классической и когнитивной методологических баз в автороведении.

Литература

Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Харьков: ХНИИСЭ, 2007. 64 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

A. Yu. Khomenko (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research University «Higher School of Economics»
akhomenko@hse.ru

COGNITIVE STRUCTURES MODELING BASED ON THE TEXT ATTRIBUTION METHODS

The publication is devoted to the integration of the classical attribution methodology, based on the study of the structural characteristics of the text, and the methodology of language personality cognitive analysis. The result of the study is the practical substantiation of such integration and the model of the language personality, built on the basis of a combination of the techniques.

Key words: cognitive structures, language modeling, text attribution, language personality.

В.И. Яременко (Москва, Россия)

Научно-исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
olgasoul@rambler.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНОГО АСПЕКТА В ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ МАГИСТРАНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье дается анализ академических условий изучения иностранного языка в рамках магистерской программы. Рассматриваются возможности когнитивного подхода для оптимизации процесса изучения иностранного языка при подготовке магистрантов для их будущей профессиональной деятельности. Приведены примеры практических заданий как для аудиторной, так и для самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: когнитивная технология, мотивация, профессиональная коммуникативная компетенция.

Введение

Современная действительность предъявляет все более высокие требования к специалистам всех уровней и профессиональных направлений, среди которых особое внимание уделяется задаче подготовки конкурентоспособных выпускников вузов, владеющих информационно-коммуникационной компетенцией, способных принимать самостоятельные решения, отличающихся нестандартностью мышления и продуктивной адаптацией к изменяющимся условиям [Валеев, Кондратьева 2014]. Дополнительным вызовом в условиях ширококомасштабной подготовки студентов является их готовность к обучению в рамках образования европейских университетов. В связи с этим владение иностранным языком признано одной из обязательных общекультурных компетенций независимо от профиля подготовки.

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей когнитивной технологии при создании оптимальных условий по углублению знаний и навыков по иностранному языку, освоенных магистрантами на этапе бакалавриата, в их реализации на качественно новом уровне, где важнейшее значение приобретает его когнитивная, познавательная функция.

Итогом этого будет переводение иностранного языка из простого средства коммуникации в рамках обозначенных в учебниках тем в средство обучения другим дисциплинам. При этом перед студентами, обучающимися в нелингвистической магистратуре, стоит еще и задача освоения навыков межкультурного общения, так как современные отношения в научном сообществе характеризуются широким международным сотрудничеством и активным информационным обменом.

Постановка задачи

Государственный образовательный стандарт последнего поколения делает акцент на самостоятельной работе магистрантов технических специальностей, выделяя на аудиторную работу вдвое меньшее по количеству часов время. При таком положении дел первостепенное значение приобретает когнитивный аспект цели обучения иностранному языку, предполагающий изменение характера познавательной деятельности магистрантов на основе использования более рациональных приемов овладения иностранным языком посредством развития навыков критического анализа научно-технических текстов, обучения приемам самостоятельной работы при поиске информации из различных источников, выделение информации по степени новизны и значимости, а также осознанного изучения терминологии научно-технической литературы по своей специальности. Таким образом, когнитивный аспект превращает иностранный язык не только в средство межкультурного общения, но и в инструмент познания на этапе, связанном с будущей профессиональной деятельностью и трудоустройством магистрантов.

Принимая вышесказанное за основу (но не ограничиваясь только этими положениями) при организации учебного процесса по иностранному языку в магистратуре, необходимо ориентироваться на академические запросы магистрантов и в рамках предлагаемых учебной программой требований обеспечить деятельностный подход к изучению иностранного языка, опираясь главным образом на коммуникативную направленность технологии, ее образовательный и развивающий потенциал. Когнитивный уровень рассмотрения профессиональной коммуникации на данном этапе обучения может играть роль активного и эффективного метода обучения и средства формирования профессиональной коммуникативной компетенции. При этом возросший уровень мотивации студентов даст неизбежный стимул к преодолению трудностей языкового плана при

работе с неадаптированными текстами по специальности на иностранном языке, что составляет суть когнитивной технологии обучения иностранному языку.

Для выстраивания эффективной системы заданий и упражнений с целью наиболее рационального использования отведенного времени на дисциплину и выработки необходимых навыков применения академических знаний в профессиональной деятельности студентам-магистрантам технических специальностей была предложена известная анкета-опросник для выявления уровня метакогнитивной включенности в деятельность [Schraw, Dennison 1994]. Магистранты отвечали на 52 вопроса с максимальным возможным количеством баллов 260, результат среди 40 опрошенных магистрантов в среднем составил 206 баллов, или 80 %. Такой показатель убедительно доказывает высокую степень мотивации и осознанной необходимости в совершенствовании и расширении многообразия навыков практического применения иностранного языка.

Опрос показал, что самым серьезным вызовом для магистрантов остается навык устного общения, и запрос на его совершенствование остается самым актуальным и востребованным. Далее, магистранты отмечали важность связи содержания обучения иностранному языку с предметами профилирующих для них дисциплин. Не случайно поэтому, что в основе современных учебных программ лежат новые подходы к созданию образовательных ситуаций, построенных на когнитивной технологии обучения, когда содержание обучения выходит за рамки предмета «иностранный язык» и происходит интеграция содержания с предметами по специальности [Фатхулина]. При этом коммуникативные стратегии должны выстраиваться на основе тщательного отбора соответствующих языковых средств, и их реализация должна осуществляться в инновационных форматах работы: ролевая игра, работа в команде и мозговой штурм.

Приведем некоторые возможные типовые задания в рамках одного занятия. 1) В качестве разминки студенты работают в парах над ситуативными микродиалогами с подстановками с последующим их воспроизведением без опоры на текст. Например: **A:** What research are you **doing**/concerned with/buzy with/responsible for now? – **B:** **Device reliability**/magneto-optical effects in solids/the design of solid-state **lasers/design** and performance of microelectronic devices. We have a very interesting research programme to fulfil. 2) Используя заданную коммуникативную стратегию, например, *Supporting or Challenging the View / Voicing (Dis)belief / Adding arguments*

to reinforce the Idea, etc., как это предлагается в некоторых учебниках по культуре речевого общения [Сулейманова и др. 2013], прокомментируйте следующие утверждения: *Every student should take part of his/her education abroad. Too specialist an education may be too narrow. The international language of science and technology is broken English.* 3) Выступите в роли устного переводчика. Например: А: – In what areas of science is mathematics involed? В: – Я бы сказал, почти во всех областях наук, особенно в таких, как биология, астрофизика, медицина и т. д. – А: The development of liquid nitrogen superconductors has practically brought about a revolution in electro-engineering and radio-electronics. What may be gained as a result of investigations in this area? – В: Использование подобных проводников даст возможность получить проводники с нулевым сопротивлением, что может быть применено в электромоторах с высоким КПД. 4) Работая в режиме мозгового штурма, выскажите ваши идеи по следующим вопросам: *The roles of engineers in the progress of mankind. The main problems of modern engineering education.* 5) Группа из 3-4 студентов обсуждают на интернет-форуме карьерные перспективы после окончания учебы в магистратуре, представляя их в письменном виде на английском языке. 6) Проведение заключительного занятия в формате научного стэндапа, например, на тему “Crucial human achievements of the last 100 years”, несомненно, будет достойным заключением к курсу иностранного языка, где студенты продемонстрируют умение применять профессиональные знания в сочетании с усовершенствованными лингвистическими навыками на иностранном языке. Выполнение заданий таких типов на регулярной основе оптимизирует изучение иностранного языка на фоне обязательной работы по устному и письменному переводу, аннотированию, составлению глоссариев и кратких обобщений по изучаемым текстам.

Как правило, в процессе учебы в магистратуре студенты принимают активное участие в научно-производственной деятельности по направлениям выпускающих кафедр. Знание иностранного языка, безусловно, считается студентами неотъемлемым компонентом их будущих профессиональных умений, что выражается в необходимости чтения научных статей по специальности на иностранном языке, просмотра зарубежных сайтов с целью поиска, чтения и критического анализа информации о современных достижениях, просмотра видеолекций на иностранном языке преподавателей зарубежных университетов, прослушивания докладов на иностранном языке при посещении международных научных

конференций, подготовки выступления и презентации на иностранном языке на научной конференции и т. п. Приведенные виды заданий могут и должны выполняться в режиме самостоятельной работы с получением рекомендаций преподавателя на очных консультациях, а также с использованием современных ИКТ, добавляя разнообразие в учебный процесс и позволяя использовать аудиторное время для отработки устных навыков межкультурной коммуникации на профессиональном уровне.

Заключение

Процесс обучения требует от студента способности к осмыслению своей интеллектуальной деятельности, а умения осуществлять когнитивные действия обеспечивают эффективность и успешность образовательного процесса. Когнитивный подход к изучению языка при сочетании упражнений на развитие навыков устной речи и работы с текстами по специальности создает у студентов-магистрантов устойчивое стремление к самосовершенствованию и творческой самореализации, повышая их чувство собственного достоинства.

Литература

Валеев А.А., Кондратьева И.Г. Факторы успешного обучения иноязычному профессиональному общению // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6.

Сулейманова О.А., Карданова К.С., Беклемешева Н.Н. и др. Практикум по культуре речевого общения Т. 1. М.: Издательский центр «Академия», 2013.

Фатхулина Г.Г. Когнитивная технология обучения иностранному языку магистров гуманитарного вуза // *Педагогика и психология образования*. М.: Московский пед. гос. ун-тет, 2015. С. 63-69.

Schraw G., Dennison R. Assessing metacognitive awareness // *Contemporary Educational Psychology*. 1994. Vol. 19. P. 460-475.

V.I. Yaremenko (*Moscow, Russia*)

National research university MIET

O.A. Suleimanova (*Moscow, Russia*)

Moscow City Pedagogical University

**THE ROLE OF COGNITIVE ASPECT
IN TEACHING UNDERGRADUATE TECHNICAL STUDENTS
A FOREIGN LANGUAGE**

The paper analyses the academic conditions of studying a foreign language at MA level of technical university with emphasis on cognitive approach as the way to optimize the teaching/learning process. Examples of practical tasks and activities are offered for both classroom environment and students' self study.

Key words: cognitive technology, motivation, professional communicative competence.

XI. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.В. Колмогорова (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
nastiakol@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ БАЗИС РЕЧЕВЫХ АВТОМАТИЗМОВ ПРИ АФАЗИИ

В статье рассматриваются виды когнитивных структур, составляющих базис речевых автоматизмов – проявлений непроизвольного уровня организации речи в речевой продукции пациентов-афатиков. В исследовательском корпусе, собранном в клинических условиях восстановительной терапии, выявлены следующие типы автоматизмов: автоматизмы, основанные на гештальтах ситуации, на жанровых фреймах, на интерпретационных фреймах и на упроченных в оперативной памяти моторных схемах.

Ключевые слова: афазии, речевые автоматизмы, когнитивные структуры, гештальты, фреймы.

Возникнув как отдельное научное направление, когнитивная лингвистика поставила перед собой амбициозную цель – описать принципы и механизмы мышления, памяти, восприятия, воображения посредством анализа того, что порождается этими механизмами и одновременно объективно доступно для наблюдения – языковых данных. Со временем стало очевидно, что ценность для понимания когнитивных механизмов имеют исследования не только речевой продукции здоровых «когнитивных агентов», но и групп с различными нарушениями – крупнейшие открытия в области нейролингвистики были сделаны в ходе лечения и исследования речевых патологий [Мечковская 2013].

Цель данной публикации – описать типы когнитивных структур, которые в неполном, «осколочном» состоянии остаются сохранными в речи пациентов-афатиков и объективируются в речевых автоматизмах. Под речевыми автоматизмами в данной работе понимаются проявления непроизвольного уровня организации речи в речевой продукции пациентов-афатиков [Цветкова 1988: 5], гетерогенные по своей структуре и различные

по уровню сложности, но обнаруживающие связь с коммуникативной ситуацией и эмоционально-психологическим состоянием больного. Категория речевых автоматизмов, понимаемая таким образом, объемлет речевые фрагменты различной структуры и сложности: от упроченных в речевом опыте пациента стереотипов предложений или единичных высказываний [Критичли 1974] – осмысленных не сложных по структуре коротких предложений, как правило, повелительного или восклицательного типов, отражающих актуальное эмоциональное состояние пациента и связанных с коммуникативной ситуацией общения («господи как оно дальше-то!»); стереотипные выражения [Винарская 1971] или речевые штампы [Обуховская 2009] – простейшие формы реактивных реплик, в норме обычно используемых по инерции в диалоге («ой, ну скажете», «и не говори») и, наконец, автоматизированные речевые (словесные) ряды [Шохор-Троцкая 2012], под которыми понимаются хорошо упроченные непредикативные и непропозициональные последовательности языковых единиц, например прямые числовые ряды, названия дней недели, последовательность месяцев в году и т. д.

Материалом для исследования послужили 14 часов аудиозаписей занятий логопеда и 13 пациентов (140 аудиозаписей от 3 до 10 минут) в Отделении восстановления высших психических функций Сибирского отделения ФМБА РФ. Всего было зафиксировано 366 автоматизмов. Записи скриптовались, а затем интерпретировались с применением методов коммуникативного и конверсационного видов анализа.

Рассмотрим типы когнитивных структур, составляющие «основу» автоматизмов.

1. Гештальты.

Гештальты – концептуальные структуры, являющиеся результатом целостного, нерасчлененного восприятия ситуации [Болдырев 2002: 49] – предстают в качестве когнитивной основы речевых автоматизмов-высказываний, передающих ведущую эмоцию, испытываемую пациентом:

(1) 1. Логопед (далее – Л.): возраст свой назовите /

2. Пациент (далее – П.): как возраст / сорок че ... че @затруднения@ сорок пять почти нет... почти сорок девять почти \

3. Л.: где вы живете/

4. П.: А / >>>АААй заколебала ты! @естественно, без затруднений, раздраженно@ тысяча как /

Гештальт-структуры, актуализируемые автоматизмами такого типа, 1) обобщенно отражают самый значимый личностный смысл подлежащей

вербализации ситуации; 2) подчиняются принципу доминанты (по Ухтомскому), лабильны и могут трансформировать свое содержание и функцию в зависимости от того, какой компонент ситуации активируется чаще всего при речепорождении. Были отмечены случаи, когда высказывания, которые в норме служат для выражения, например, удивления, употребляются пациентами в функции экспрессивов интенсивных отрицательных эмоций – гнева, негодования и т. д.

2. Жанровые фреймы.

В ходе развития социолингвистической компетенции человека система жанровых фреймов становится имманентной его сознанию структурой, облегчая как процессы формирования и формулирования мысли, так и смысловое восприятие чужого высказывания [Седов 2004: 237]. В исследовательской выборке выявлена группа автоматизмов – речевых клише, через которые «просвечивают» структуры именно такого характера. Например, в заданиях на чтение, если пациенты сталкиваются с единичными формами лексем, которые в жанре сказки обычно используются с троекратным повтором, то они произносят их трижды. Так, вместо написанного «Однажды он ушел далеко» в процессе чтения пациент читает «Однажды он ушёл далеко-далёко».

3. Интерпретационные фреймы.

Ч. Филлмор указывал [Филлмор 1988], что ряд фреймов формируются в когнитивном опыте человека преимущественно под влиянием языковых структур, например, фреймы, связанные с календарем: дни недели, месяцы и т. д. Однако, когда языковой опыт претерпевает определенные диссолюции, именно сформированные благодаря ему фреймы «всплывают» на поверхность языкового сознания. Например:

(2) Л.: А что вы ели? Что вы ели на ужин?

П.: *Первое, второе, третье.*

Пациент на фоне сильнейших затруднений речи «выпаливает» в качестве реакции на слово-стимул *ужин* упрощенную структуру «первое-второе-третье».

4. Упрощенные схемы на уровне моторного программирования.

Т.Г. Визель отмечает, что «устоявшиеся умения не требуют активного мышления, из мысли они становятся особой памятью» [Визель 2016: 59]. Речевые штампы, часто встречающиеся в речи пациентов и выполняющие функции заполнителей пауз, «закруглителей высказывания» (*а вообще-то это, вроде как, можно сказать, ну все вроде*), по всей видимости,

являются упроченными схемами на уровне моторного программирования речепроизводства (согласно схеме речепорождения [Ахутина 2007: 75]), которые легко воспроизводятся благодаря связи с оперативной памятью, без посредничества внутренней речи.

Таким образом, проведенный анализ показал, что автоматизмы в речи пациентов-афатиков основаны на когнитивных структурах четырех типов: гештальты, жанровые фреймы, интерпретационные фреймы и моторные схемы, упроченные в оперативной памяти.

Литература

Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 216 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 235 с.

Визель Т.Г. О содержании понятия «распад речи» // Вестник АлтГПУ. 2016. № 2 (27). С. 57-65.

Винарская Е.Н. Клинические проблемы афазии. М., 1971. 216 с.

Критчли М. Афазиялогия. М.: Медицина, 1974. 333 с.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных повреждениях мозга. М.: Изд-во МГУ, 1962. 432 с.

Мечковская Н.Б. Повседневное общение, речь ребенка и речевые расстройства: «гомологические» сходства гетерогенных и разновекторных процессов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 2. С. 3-19.

Обуховская А.Ю. Особенности коррекционно-восстановительной работы при афазии у детей и подростков: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2009. 22 с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / пер. с англ., сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. С. 52-93.

Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. М., 1988. 207 с.

Шохор-Троцкая М.К. Логопедическая работа при афазии на раннем этапе восстановления: библиотека практического врача. М.: Книга по требованию, 2012. 141 с.

*A.V. Kolmogorova (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University*

COGNITIVE BASIS OF AUTOMATISED SPEECH OF THE PATIENTS WITH APHASIA

The article explores some types of cognitive structures serving as the basis for automatized speech of patients with aphasia. The research data collected in the context of the professional based conventional speech language therapy shows the presens 4 types of cognitive structures underlying automatisms: gestalts, genre frames, frames of interpretation, strengthened in the operating memory motor schemas.

Key words: aphasia, speech automatisms, cognitive structures, gestalts, frames.

*М.М. Лютянская, Е.С. Коканова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
m.lyutyanskaya@narfu.ru, e.s.kokanova@narfu.ru*

МЕТОДИКА АЙТРЕКИНГА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ЛИСТА

На современном этапе развития переводоведения перевод определяется как сложный когнитивный процесс, включающий необходимость принятия переводчиком разных типов решений. Методика айтрекинга позволяет наблюдать процесс чтения текста и перевода текста с листа и судить о принимаемых переводчиком решениях.

Ключевые слова: перевод с листа, методика айтрекинга, переводческое решение, тип решения, регрессивные саккады.

Переводческая деятельность как сложный когнитивный процесс привлекала внимание исследователей не одно десятилетие. Стремление «открыть черный ящик», то есть понять мыслительные процессы, происходящие в голове переводчика во время осуществления перевода,

сопровождало представителей переводоведения с самого становления данного направления как отдельной научной дисциплины.

Отечественные и зарубежные исследователи процесса перевода давно сошлись во мнении, что перевод представляет собой процесс принятия решения [Неганова 2015]. Однако существуют разные подходы к пониманию сути переводческого решения. Так, представители лингвистической теории перевода рассматривают его как способ разрешения переводческих трудностей с помощью переводческих трансформаций (см. работы Л.К. Латышева, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера и др.). Представители когнитивно-эвристического подхода считают, что переводчик каждый раз осуществляет поиск оптимального решения применительно к конкретному тексту и конкретной коммуникативной ситуации (см. работы М.Я. Цвиллинга, А.Г. Минченкова и др.).

В зависимости от подхода к пониманию сути переводческого решения различаются и стратегии в исследовании поведения переводчика в момент принятия решения. Одна из них основана на анализе результата перевода, когда осуществляется сопоставление исходного текста (ИТ) и текста перевода (ПТ) и все различия, выявляемые в ходе анализа, рассматриваются как отражение мыслительных процессов, имевших место при переводе.

Вторая стратегия основана на исследовании процесса перевода и применяет такие методы, как мышление вслух (*think-aloud protocol*, TAP), запись работы переводчика на видеокамеру, использование специально разработанных компьютерных программ (например, *Translog*), позволяющих регистрировать и анализировать различные параметры, такие как количество нажатий клавиш, общее количество знаков, количество обращений к словарям и т. д. [Lauffer 2002].

Переводоведение на современном этапе характеризуется междисциплинарностью и применяет методы других наук, занимающихся исследованием мыслительной деятельности человека, в частности психологии и нейрофизиологии. Одной из методик, набирающих популярность в изучении переводческого процесса, является методика айтрекинга, позволяющая исследовать различные аспекты деятельности переводчика: координацию процессов понимания и речепроизводства, распределение когнитивных усилий, переводческую компетенцию и т. д. [Hvelplund 2014].

Исследования с помощью айтрекера позволяют оценить скорость восприятия информации, проследить траекторию движения глаз, оценить размеры и продолжительность фиксации взгляда, направления саккад, выделить зоны интереса. Таким образом, регистрируя и анализируя параметры движений глаз,

исследователь получает доступ к скрытым формам активности, которые обычно протекают исключительно быстро и неосознанно [Барабанщиков 2015].

Для целей настоящего исследования был выбран перевод с листа как особый вид перевода, занимающий промежуточное положение между письменным и устным переводом. Отличительными характеристиками перевода с листа являются синхронное зрительное восприятие исходного текста и устное воспроизведение его перевода. Основные требования, предъявляемые к переводу с листа при оценке его качества, включают: ровную речь без пауз, повторений, самоисправлений, достаточно быстрый темп произнесения [Коканова 2018]. В реальной ситуации перевода с листа у переводчика очень мало времени на осмысление текста и минимальное время на обдумывание вариантов перевода, а следовательно, на принятие переводческого решения.

Экспериментальное исследование включало в себя чтение двух текстов на английском языке на тему арктических конвоев и их последующий перевод с листа на русский язык. Цель заключалась в том, чтобы выявить, какие элементы текста будут представлять для студентов наибольшую сложность, исходя из установки, что элементы текста, требующие больших когнитивных усилий, будут сопровождаться большим количеством фиксаций и саккад [Kokanova et al. 2018].

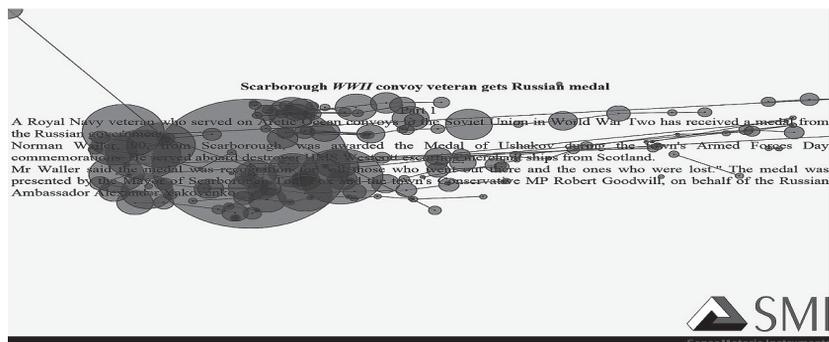
Более детальный анализ видеозаписи процесса чтения и перевода текстов вместе с прослушиванием аудиозаписи переводов позволяет пронаблюдать процесс принятия переводческого решения при переводе с листа у разных переводчиков. По мнению теоретика перевода В. Вильса, в процессе принятия решения переводчик проходит шесть этапов, что определяет тип принимаемого им решения: автоматического, стереотипного или требующего размышлений [Wills 1996].

На наш взгляд, основная работа переводчика по выявлению проблемы, анализу контекста, поиску подходящих вариантов при переводе с листа должна проходить на этапе чтения текста. Во время непосредственно перевода с листа мы наблюдаем момент выбора и поведение после выбора (оценку результата перевода). Было выявлено, что процесс перевода сопровождается значительным количеством регрессивных саккад, при этом представляется, что характер таких саккад зависит от типа принятого переводческого решения, а также от регуляции эмоций. Экспериментальное исследование показывает, что некоторым студентам реакция испуга может заблокировать принятие переводческого решения. В связи с этим исключительно важно при переводе с листа учесть эмоциональной регуляции.

В случае автоматического или стереотипного решения (функциональной заикленности), то есть когда переводчик решает переводческую проблему по заранее известной модели, регрессивные саккады отражают процесс осознанного построения правильной структуры в языке перевода, что на языковом уровне отражается в перестановках следования элементов текста. Подобные регрессивные саккады мы назовем продуктивными.

В случае решения, требующего размышлений, регрессивные саккады, количество которых в данном случае выше, сигнализируют о значительном когнитивном усилии переводчика (новизна задания, загрузка текущей памяти, трудности восприятия информации), когда решение переводческой проблемы не представляется ему очевидным. Такие регрессивные саккады отражают поведение переводчика после принятия решения, то есть когда выбранный вариант перевода не устраивает, поиск возможного нового решения. На аудиозаписи перевода такие отрезки текста сопровождаются паузами хезитации, самоисправлениями, повторениями, а зачастую и неправильным вариантом перевода. Такие регрессивные саккады мы назовем непродуктивными.

Тезис исследователей о том, что языковые единицы, требующие больших когнитивных усилий (то есть представляющие определенную сложность для понимания), сопровождаются более длительными фиксациями, нашел свое подтверждение и при анализе переводов с листа. Интересно было отметить, что в некоторых случаях при переводе с листа фиксации на определенных участках текста отсутствовали, что, по всей видимости, может свидетельствовать о реализации автоматического переводческого решения, принятого на этапе чтения текста.

Таким образом, исследование процесса принятия переводческого решения при переводе с листа включает комплексный анализ. Особое внимание следует уделить переводческому чтению, от качества которого зависит понимание смысла текста, принятия переводческого решения. При чтении текста для перевода с листа происходит взаимовлияние визуальной информации, когнитивного багажа, когнитивного контроля переводчика и сформированности переводческих компетенций. Исследование с помощью айтрекера позволяет проводить дальнейший анализ мультиаспектной деятельности, перевода с листа.

Литература

Барбанищikov В.А. Айтрекинг в психологической науке и практике. М.: Когито-Центр, 2015.

Коканова Е.С. Перевод с листа: экспериментальные исследования и методика обучения переводу // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Вып. 8. Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2018. С. 294-298.

Неганова А.О. Современные воззрения отечественных и зарубежных ученых на трактовку переводческого решения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. С. 46-50.

Hvelplund K.T. Eye Tracking and the Translation Process: Reflections on the Analysis and Interpretation of Eye-Tracking Data // MonTI Special Issue – Minding Translation. 2014. P. 201-223.

Kokanova E.S., Lyutyanskaya M.M., Cherkasova A.S. Eye Tracking Study of Reading and Sight Translation // SHS Web Conf., 2018. Vol. 50.

Lauffer S. The Translation Process: an analysis of observational methodology / Sabine Lauffer // Cadernos de tradução, 2002. Vol. 2. № 10. P. 59-74.

Wilss W. Knowledge and Skills in Translator Behaviour. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 1996.

*M.M. Lyutyanskaya, E.S. Kokanova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

EYE-TRACKING STUDY OF TRANSLATION DECISION IN SIGHT TRANSLATION

Current translation studies concern translation as a complex cognitive activity when you need to take different translation decisions. Eyetracking is a good way to study reading and sight translation to analyse the decision-taking process in translation.

Key words: sight translation, eyetracking, translation decisions, type of decision, regressive saccades.

*M.A. Петровичева, А.С. Шматко, М.В. Карякина,
А.Б. Шмуклер (Москва, Россия)*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Московский научно-исследовательский институт психиатрии
petrovicheva.marfa@mail.ru
artem_shmatko@protonmail.com
karyakina.m@serbsky.ru
shmukler.a@serbsky.ru*

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВЫХ И КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

В докладе обсуждаются причины противоречивости результатов исследований языковых нарушений при шизофрении, выполняемых на текстовом материале. Представлена оригинальная методика оценки информативности стимулов и значимости сопоставляемых лингвокогнитивных параметров в экспериментальном исследовании описаний изображений здоровыми респондентами и больными шизофренией.

Ключевые слова: шизофрения, языковые нарушения, когнитивные нарушения, описание изображений, информативность стимулов.

Известно, что количественные и качественные исследования языковых нарушений при шизофрении, выполняемые на материале речевых произведений разного объема (автобиографический рассказ, рассказ по картинкам, развернутый ответ на вопрос типа «Почему некоторые люди верят в бога?»), пересказ текста, объяснение различий между стимулами и т. п.), дают гораздо более противоречивые данные, чем эксперименты и тесты с использованием изолированных стимулов, выключенных из коммуникативной деятельности и контекста (тесты на вербальную беглость и под.). Ср., например, за последний год [Sevillaetal 2018] и [Palaniyappanetal 2018].

В основе своей отмеченное различие в результатах объективно. Изучение речевых произведений, на какие конкретные языковые элементы и категории ни было бы оно обращено (личные местоимения, средства связности, определенные тематические группы слов, глагольное время, пассивный и активный залог и т. п.), имеет в конечном итоге выход на более общие характеристики шизофренической речи и мышления, которые принято объединять под названием «нарушение формального мышления» (FTD – formal thought disorder) и которые, с одной стороны, служат одним из основных признаков шизофрении, с другой – по сути своей являются градуальными, вариативными и проявляются у разных больных в разной форме и степени. Так, в [Salisbury 2010: 2] указывается, что, хотя общепринятой характеристикой FTD служит «bizarre and disordered speech, which at the most extreme instances may result in word salad, an incomprehensible, inscrutable jumble of words, and neologisms, the idiosyncratic coinage of words with delusional significance», чаще это расстройство проявляется в менее резкой форме и выражается в «a certain looseness in conceptual focus by which the train of thought is normally maintained».

Признание существенных различий в манифестации языковых нарушений в зависимости от тяжести заболевания и других особенностей **субъекта** является общим местом в подобных исследованиях. При этом по каким-то причинам мало используется принятое в когнитивных исследованиях разграничение факторов, связанных с **целью** (формулировкой задания) – goal-driven (task-driven), и со свойствами **стимула** – stimulus-driven [Yantis 2000; Mechelli et al. 2007; Archibald 2013; Coco, Keller 2014; Heuer et al. 2017]. В частности, не изучена зависимость нарушений от степени коммуникативности и сложности задания, от наличия опоры на контекст (ситуацию) и подобных факторов. Вопросы о соотносительной информативности (диагностической силе)

визуальных стимулов в экспериментах по называнию и описанию изображений и о возможности управления характеристиками изображений для увеличения их информативности даже не ставились.

Мы попытались решить эту проблему в эксперименте по описанию изображений. В настоящий момент проанализированы данные 94 испытуемых: 56 больных шизофренией с обострением заболевания (средняя суммарная оценка по PANSS – $98,4 \pm 27,3$ баллов), а также 38 лиц без психических расстройств, входящих в контрольную группу. Группа больных и контрольная группа сбалансированы по полу и возрасту. Так, контрольная группа содержала 40 % женщин против 41 % в группе больных, а средний возраст респондентов в группах составил 28 лет против 30. В качестве материалов был использован набор из 20 изображений сельскохозяйственных животных (18 цветных фотографий и 2 цветных рисунка). Композиция изображений варьировалась в широких пределах: животные находились как в статических, так и в динамических позах, количество животных в основном составляло от одного до трех, на многих изображениях присутствовали люди, животные находились как в естественной, так и в урбанизированной среде.

Каждому участнику исследования на экране компьютера последовательно предъявлялись картинки тестового набора. Набор из 20 картинок предъявлялся разным испытуемым либо в прямом, либо в обратном порядке. Испытуемому давалось 30 секунд на рассматривание изображения, после чего после чего в течение 20 секунд нужно было дать письменное описание изображения, само изображение при этом оставалось на экране. Общее время эксперимента составило около 17 минут. От каждого респондента был получен набор из 20 описаний. Примеры ответов (орфография и пунктуация сохранены): респондент I, контрольная группа – *На поле медвежонок пробегает рядом со стадом коров. Фото; Корова с плачущим телёнком. Рисунок; Пастух гонит стадо коров по грязной дороге осенью. Фото*; респондент II, группа больных – *Медведь зашел на пастбище коров. Коровы выгоняют незванного гостя с пастбища; Бабушка пасет корову, которая смотрит вниз ест траву; Корова лежит у подножья холма и смотрит вниз рядом горы и т. д.*

Полученные описания были вручную размечены по наличию следующих компонентов: обозначение 1) цвета, 2) размера, 3) части целого, 4) использование экспрессивно окрашенной лексики, 5) выражение

субъектно-объектных отношений, 6) обозначение количества фигур, 7) фона, 8) типа изображения, 9) перспективы, 10) гиперо-гипонимических отношений, 11) возраста изображённых на картинке персонажей, 12) их родственных связей, 13) динамики их действий, 14) их эмоционального состояния, которое в некоторых случаях передавалось посредством 15) прямой речи; также отмечалось 16) проявление объединяющих фигуры реляционных отношений. Помимо этого, учитывалась тактика описания: 17) перечисление, 18) объём описания, 19) обозначение деталей, 20) неопределённость и 21) ошибочность номинации, 22) пропуск фигуры, 23) обозначение времени, 24) оценка качества изображения, 25) эстетическая оценка изображения.

Следует подчеркнуть, что анализировались не отдельные лексемы (леммы) как единицы плана выражения, а значимые [Etkins 2011; Golbecketal 2011; Сидорова 2016; Сидорова, Роговнева 2016] параметры, вербализуемые разными лексемами и объединяющие план содержания и план выражения. Каждому описанию был сопоставлен вектор из нулей и единиц, наличие в котором единицы на i -й позиции означает наличие соответствующего параметра. Если взять среднее для векторов-описаний всех изображений одним респондентом, то полученный вектор значений можно интерпретировать как вектор вероятностей обращения к определенному параметру при описании. Усреднение векторов по всем респондентам из группы позволяет характеризовать группу по частоте использования (вербализации) определенного параметра и провести сравнение групп.

Результаты эксперимента свидетельствуют об отсутствии существенных расхождений у контрольной группы и группы пациентов по большинству параметров, в том числе и по параметрам «пропуск фигуры» и «ошибка номинации». Минимальность различий может быть объяснена использованием низкоуровневого лингвистического материала, не требующего абстрактного мышления, в квазикоммуникативной ситуации, не требующей активного взаимодействия с собеседником, при наличии опоры на простой и вместе с тем естественный визуальный контекст. В то же время зафиксированы различия в отношении категорий «цвет», «размер», «часть-целое», «тип изображения», «деталь», «гиперо-гипонимические отношения» и «перспектива», которые позволяют определить вектор дальнейших исследований, в том числе и с последующей детализацией указанных характеристик.

Результаты эксперимента были проанализированы с помощью специальных таблиц, в которых по вертикали были отложены названия параметров, по горизонтали – индексы изображений в наборе. Каждое значение в таблице численно соответствовало проценту респондентов, использовавших определенный параметр при описании определенного изображения. Анализ подобных таблиц для каждой группы, а также разницы в использовании одного и того же параметра здоровыми респондентами и больными по отношению к каждому изображению позволяет установить неравноценную информативность картинок и неравнозначность параметров. Например, параметр «возраст» варьируется у здоровых респондентов от 0 до 100 % для различных изображений. Аналогичное распределение параметра обнаружено у группы больных. Однако разница в использовании этого параметра между группами находится в диапазоне 0-15 %. Частота использования параметра «часть – целое» в здоровой группе – от 0 до 68 %, в группе больных – от 0 до 34 %. Разница в использовании этого параметра составляет 0-41 %. Таким образом, параметр «часть – целое» является более информативным, поскольку разница по нему больше, несмотря на меньший разброс исходных данных.

Представляется возможным анализ конкретных изображений для установления факторов, приводящих к появлению различий в описаниях, а также создание набора изображений, подобранных таким образом, что различия будут максимальны. Подобный набор, вкупе с методикой обработки описаний и выявления наиболее значимых параметров, может иметь диагностическое значение.

Литература

Сидорова М.Ю. Языковые маркеры антропоцентричности в описаниях изображений // Вестник КемГУ. 2016. № 3 (67). С. 25-37.

Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В. Соотношение часть – целое в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении // Филология и человек. 2016. № 2. С. 142-152.

Archibald L.M.D. The Language, Working Memory, and Other Cognitive Demands of Verbal Tasks // *Topics in Language Disorders*. 2013. № 33 (3). P. 190-207.

Coco M.I., Keller F. Classification of Visual and Linguistic Tasks using Eye-movement Features // *Journal of Vision*. 2014. № 14 (3). P. 1-18.

Cohen B.D., Nachmani G., Rosenberg S. Referent communication disturbances in acute schizophrenia // *Journal of Abnormal Psychology*. 1974. № 83 (1). P. 1-13.

Etkins J. On Pictures, And the Words That Fail Them. Cambridge, 2011.

Golbeck J., Koepfler J., Emmerling B. An experimental study of social tagging behavior and image content // *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. 2011. № 62 (9). P. 1750-1760.

Heuer S., Ivanova M.V., Hollowell B. More Than the Verbal Stimulus Matters: Visual Attention in Language Assessment for People With Aphasia Using Multiple-Choice Image Displays // *Journal of speech, language, and hearing research*. 2017. № 60. P. 1348-1361.

Mechelli A., Josephs O., Ralph M.A.L., McClelland J.L., Price C.J. Dissociating Stimulus-Driven Semantic and Phonological Effect During Reading and Naming // *Human Brain Mapping*. 2007. № 28. P. 205-217.

Palaniyappana L., Bezerra Motab N., Oowised S., Balaine V., Copellic M., Ribeiro S., Liddle P.F. Speech structure links the neural and socio-behavioural correlates of psychotic disorders // *Progress in Neuro-psychopharmacology & Biological Psychiatry*. 2019. № 88. P. 112-120.

Salisbury D. N400 to Lexical Ambiguity and Semantic Incongruity in Schizophrenia // *International Journal of Psychophysiology*. 2010 February. № 75 (2). P. 127-132.

Sevilla G., Rosselló J., Salvador R., Sarro ' S., Lopez-Araquistain L., Pomarol-Clotet E., et al. Deficits in nominal reference identify thought disordered speech in a narrative production task. *PLoS ONE*. 2018. № 13 (8). P. e0201545.

Yantis S. Goal-directed and stimulus-driven determinants of attentional control // *Monsell S., Driver J.* (Eds.). *Control of Cognitive Processes*. The MIT Press, 2000. P. 73-103.

*M.A. Petrovicheva, A.S. Shmatko, M.V. Karyakina,
A.B. Shmukler (Moscow, Russia)*

*Lomonosov Moscow State University, Moscow Research Institute of Psychiatry
petrovicheva.marfa@mail.ru
artem_shmatko@protonmail.com
karyakina.m@serbsky.ru
shmukler.a@serbsky.ru*

**TO THE PROBLEM OF IMPROVING THE METHODS
OF EVALUATION LANGUAGE
AND COGNITIVE DISORDERS IN SCHIZOPHRENIA**

The report discusses the reasons for the discrepancy between the results of language disorder studies in schizophrenia, based on text material. An original evaluation method for the stimulus' informativity and the importance of linguistic and cognitive parameters is presented; this experimental study is based on description of images made by respondents with and without schizophrenia.

Key words: schizophrenia, language disorders, cognitive disorders, description of pictures, informativity of stimulus.

М.Ю. Сидорова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
sidorovadoma@mail.ru*

**НАЗЫВАНИЕ И ОПИСАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ В СПЕКТРЕ
МЕТОДИК ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ
И КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ¹**

Доклад посвящен сопоставлению методик названия и описания изображений в контексте общих методологических проблем изучения коммуникативных и когнитивных нарушений у больных шизофренией. Обсуждаются данные по лексическим характеристикам и связности текста, полученные в эксперименте по описанию изображений у больных шизофренией и здоровых испытуемых.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 17-29-02164 офи_м.

Ключевые слова: шизофрения, расстройство мышления, коммуникативные расстройства, описание изображений, название изображений.

В литературе представлены два направления в исследовании нарушений речи у больных шизофренией.

Первый подход – сверху вниз – начинается с констатации расстройства формального мышления (*formal thought disorder, FTD*) в качестве одного из основных симптомов шизофрении и определения его через связь с речевыми / языковыми / коммуникативными нарушениями (дисфункциями). Отмечая дезориентирующий характер термина «*thought disorder*», Н. Андреасен еще в 1986 г. предлагала заменить его на «*disorders of thought, language, and communication*» и указывала, что с эмпирической точки зрения большая часть подразумеваемых нарушений являются коммуникативными (*disorders of communication*) [Andreasen 1986: 473], поскольку затрагивают именно «языковое поведение», т.е. взаимодействие между говорящим и слушающим: «говорящий нарушает конвенциональные правила, которые облегчают понимание его речи слушателем... не принимает во внимание потребностей слушателя» [Там же]. В предложенной Андреасен шкале ТЛС к «коммуникативным нарушениям» были отнесены содержательная бедность речи, напор (лихорадочность) речи, нецеленаправленность речи, путаность речи, соскальзывания, эхолалия, внезапные остановки и ряд других нарушений, действительно влияющих на коммуникативное взаимодействие, наблюдаемых в речевой цепочке определенной протяженности и не сводящихся к проблемам порождения или рецепции языковых знаков на одном отдельно взятом уровне (всего 12 нарушений из 18, входящих в шкалу, остальные относятся к языковым нарушениям и нарушениям мышления). Указанная специфика коммуникативных нарушений, наряду с сугубо качественным, трудно измеряемым характером большинства из них затрудняет их тестирование и не позволяет говорить о полной объективности используемых критериев.

Второй подход – снизу вверх – включает исследования языковых проблем, возникающих у больных шизофренией при выполнении некомуникативных или квазикоммуникативных заданий, в которых тестируемые оперируют отдельными извлеченными из контекста элементами (обычно – лексемами). Такие исследования квантифицируются гораздо проще, и велико искушение напрямую связывать их результаты с коммуникативными нарушениями и расстройством мышления. Сюда входят

задания на подбор антонимов, синонимов, на вербальную – семантическую и буквенную – беглость, выбор слова по заданным параметрам, называние изображений, повторение слов и псевдослов и т. п. Они принципиально отличаются от количественных исследований лексического состава и грамматических особенностей речевых произведений больных шизофренией (развернутые ответы на вопросы, пересказ текста, рассказ на заданную тему и под.) по целому ряду параметров, включая степень коммуникативности выполняемого задания; наличие опоры на ситуативный контекст; вовлеченность в речевую деятельность, наряду с лексическим доступом, синтаксических механизмов порождения речи; соотношение продуктивности/рецептивности; акцент на изучении только полнозначительной лексики или включение в рассмотрение служебных слов.

Роль методик, нацеленных на изучение порождения или восприятия изолированных (деконтекстуализованных) языковых элементов в оценке когнитивного статуса больных шизофренией нельзя отрицать. В частности отмечается, что задания на вербальную беглость включают несколько когнитивных процессов (скорость обработки информации, внимание, семантическую память, исполнительные функции) и «клиническое применение этого нейропсихологического инструмента доказало его чувствительность по отношению к различным патологиям мозга» [Galaverna et al. 2016: 306]. Большой осторожности требует интерпретация результатов подобных экспериментов по отношению к речевым дисфункциям и FTD. Выявление корреляции подразумевает сопоставление полученных данных с тестированием тех же испытуемых на степень FTD для выяснения того, характерна ли проблема для всех больных шизофренией или только для тех, у кого FTD проявляется наиболее сильно [Leeson et al. 2006; Soriano et al. 2008].

В контексте описанных проблем представляет интерес сопоставление двух экспериментальных методик, основанных на визуальном материале: называние изображений и описание изображений.

Основным материалом, используемым в экспериментах по называнию изображений, являются наборы черно-белых контурных картинок, на которых на белом фоне без теней и объема изображен изолированный предмет или человек, выполняющий какое-либо действие (деконтекстуализованный стимул). Обычно базой таких исследований служит набор изображений из [Snodgrass, Vanderwart 1980]. Получаемые данные вполне однозначны (больные шизофренией показывают худшие результаты по

сравнению со здоровыми респондентами) и интерпретируются как свидетельство проблем в хранении семантической информации или в доступе к ней [Leeson et al. 2005; Kondel et al. 2006]. Положительной стороной теста является его компактность, модифицируемость (возможность регулировать количество картинок), наличие значительной базы данных по норме, включая характеристики лексем (названий картинок) по частотности, возрасту усвоения и другим важным лингвистическим показателям. Однако такие тесты проверяют изолированный фрагмент системы порождения речи в весьма искусственных условиях, когда называемый объект выключен из референтно-ситуативного и коммуникативного контекстов, а использование говорящим компенсационных механизмов ограничено. Кроме того, несмотря на распространенность и внешнюю эффективность использования контурных черно-белых изображений для лингвистических и когнитивных тестов, имеются указания на их неполную удовлетворительность с точки зрения моделирования когнитивной системы [Viggiano et al. 2004; Moreno-Martinez, Montoro 2012], и созданы более приближенные к реальному виду объектов наборы виртуальных репрезентаций, включая 3D (обзор проблематики и решений см. в [Peeters 2018]).

Методика описания изображений была использована нами в комплексном мультидисциплинарном исследовании, направленном на изучение когнитивных, речевых и глазодвигательных особенностей при шизофрении. В нем приняли участие 94 испытуемых: 56 больных шизофренией в состоянии обострения заболевания (средняя суммарная оценка по PANSS – $98,4 \pm 27,3$ баллов) и 38 лиц без психических расстройств. Материалом служили реальные цветные изображения сельскохозяйственных животных в естественных ситуациях. Письменные описания изображений были подвергнуты ручной разметке и компьютерному анализу для установления различий по основным лексическим характеристикам текста: среднее количество слов, использованных каждым испытуемым для описания всего набора картинок; лексическая сложность (рассчитываемая на основе количества слогов в использованных словах и частотности использованных слов); процент уникальных слов; частеречный состав.

Анализ показал, что больные использовали в среднем $134,56 \pm 19,13$ слов при описании набора картинок против $165,57 \pm 19,40$ для контрольной группы (здесь и далее значения для доверительного интервала $p=0,95$). Значение аналогичной метрики с учётом только уникальных слов составило соответственно $71,56 \pm 10,38$ и $91,86 \pm 9,21$ слов. Полученные данные

соответствуют общепринятым представлениям о «количественной бедности» речи шизофреников. В то же время больные шизофренией использовали лексику такой же сложности, как здоровые респонденты, и не использовали существенно меньше таких средств связности, как предлоги и местоимения. Статистически значимые различия обнаружены по связующим частям речи только в союзах. Первый показатель – по группе больных, второй – по контрольной группе: предлоги – $15,3 \pm 1,47$ % против $16,5 \pm 1,85$ %; местоимения – $0,85 \pm 0,27$ % против $0,811 \pm 0,33$ %; союзы $4,11 \pm 0,67$ % против $2,8 \pm 0,57$ %. Этого недостаточно, чтобы сделать вывод о нарушенной связности текстов, созданных больными, или о меньшей синтаксической сложности этих текстов.

Использованный подход позволяет исследовать различия именно в речевой деятельности больных и здоровых испытуемых, а не в их способности к номинации. Полученные результаты могут быть объяснены уровнем сложности задания и характером коммуникативной задачи.

Литература

Andreasen N.C. Scale for the Assessment of Thought, Language, and Communication (TLC) // *Schizophrenia Bulletin*. 1986. № 12 (3). P. 473-482.

Barrelet L.I., Piguet D., Corradini S. Schizophrenia and language disorders // *Encephale*. 1993. № 19 (5). P. 533-540.

Galaverna F., Buena A.M., Morraf C.A., Rocab M., Torralva T. Analysis of errors in verbal fluency tasks in patients with chronic schizophrenia // *European Journal of Psychiatry*. 2016. № 30 (4). P. 305-320.

Hinzen W., Rosselló J. The linguistics of schizophrenia: thought disturbance as language pathology across positive symptoms // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. P. 971.

Kondel T.K., Hirsch S.R., Laws K.R. Name relearning in elderly patients with schizophrenia: episodic and temporary, not semantic and permanent // *Cognitive Neuropsychiatry*. 2006. № 11 (1). P. 1-12.

Kuperberg G.R. Language in schizophrenia Part 1: an Introduction // *Language and Linguist Compass*. 2010. № 4 (8). P. 576-589.

Leeson V.C., McKenna P.J., Laws K.R. Storage and access procedures in schizophrenia: evidence for a two-phase model of lexical impairment // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2005. № 27. P. 1-11.

Leeson V.C., Laws K.R., McKenna P.J. Formal thought disorder is characterised by impaired lexical access // *Schizophrenia Research*. 2006. № 88. P. 161-168.

Moreno-Martinez F.J., Montoro P.R. An Ecological Alternative to Snodgrass & Vanderwart: 360 High Quality Colour Images with Norms for Seven Psycholinguistic Variables // *PLoS ONE*. 2012. № 7 (5). P. e37527.

Peeters D. A standardized set of 3-D objects for virtual reality research and applications // *Behavior Research Methods*. 2018. № 50. P. 1047-1054.

Radanovic M., Sousa R.T., Valiengo L., Gattaz W.F., Forlenza O.V. Formal Thought Disorder and language impairment in schizophrenia // *Arquivos de Neuro-Psiquiatria*. 2013. № 71 (1). P. 55-60.

Snodgrass J.G., Vanderwart M. A standardized set of 260 pictures: Norms for name agreement, image agreement, familiarity, and visual complexity // *Journal of Experimental Psychology: Human Learning & Memory*. 1980. № 6. P. 174-215.

Soriano M.F., Jiménez J.F., Román P., Bajo M.T. Cognitive substrates in semantic memory of formal thought disorder in schizophrenia // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2008. № 30 (1). P. 70-82.

Viggiano M.P., Vanucci M., Righi S. A new standardized set of ecological pictures for experimental and clinical research on visual object processing // *Cortex*. 2004. № 40. P. 494-509.

M.Yu. Sidorova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

PICTURE NAMING AND PICTURE DESCRIPTION IN THE STUDIES OF COMMUNICATIVE AND COGNITIVE DEFICITS IN SCHIZOPHRENIA

Picture naming and picture description are discussed in the context of general methodological problems of research in communicative and cognitive disorders in schizophrenia. Results received from patients and non-psychiatric controls in a picture description experiment are compared.

Key words: schizophrenia, thought disorder, communication disorders, picture description, picture naming.

Н.Н. Шпильная (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
venata85@mail.ru

ПОЛИФОНΙΑ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ПСИХОЗЕ

В статье впервые представлен анализ языкового сознания носителя языка в состоянии психоза. В работе акцент сделан на лингвистическом описании проблемы формирования невербализуемых высказываний, возникающих в языковом сознании носителя языка и вступающих в диалогические отношения с невербальным или вербальным поведением языковой личности, ее внутренней или внешней речью. Предлагается такой принцип организации измененного состояния сознания называть полифоническим принципом организации языкового сознания.

Ключевые слова: измененное языковое сознание, полифония, невербализуемое высказывание, невербализуемая языковая личность, психоз.

Объектом исследования в статье является измененное языковое сознание носителя языка, возникающее при психозе. Как известно, психоз – это глубокое патологическое расстройство психики, сопровождающееся бредом, галлюцинациями больного, который может слышать определенные голоса. В специальной медицинской литературе эти голоса относят к слуховым галлюцинациям, причины возникновения голосов до конца не известны и не изучены. Одна из гипотез заключается в предположении, согласно которому причиной возникновения голосов является активность зоны Вернике, отвечающей за активность мыслительного процесса языковой личности. Не останавливаясь подробно на клинической характеристике психоза, представим лингвистический анализ, а точнее, лингвистическую квалификацию соотношения речевого поведения языковой личности и невербализуемых высказываний (голосов), возникающих в ее языковом сознании.

Измененные состояния языкового сознания не раз становились предметом специальных психологических и лингвистических исследований. В собственно лингвистическом плане интерес представляет речь носителей языка с измененным состоянием сознания [Спивак 1985; 2000]. На современном этапе развития лингвистики измененных состояний сознания последние понимаются не только как способ приспособления сознания к изменениям внешних условий [Спивак 1985], но и как проявление основ-

ных типов нервно-психической патологии [Спивак 1996]. Однако в поле зрения лингвистов преимущественно оказываются трансперсональные состояния языкового сознания, которые либо вызываются искусственным путем, либо возникают спонтанно, либо вследствие применения психотехник [Там же]. Нас же интересует измененное состояние языкового сознания как проявление нервно-психологической патологии. В статье представлен анализ измененного состояния языкового сознания при психозе.

При психозе наблюдаются измененные состояния сознания, которые провоцируют нормальную речь носителя языка и в то же время актуализируют в его сознании невербализуемые высказывания, вступающие в диалог с внутренней речью или внешней вербальной речью языковой личности – носителем измененного состояния сознания – и принадлежащие либо неопределенной личности, либо конкретной личности, знакомой носителю языка (друзья, родители, высшие силы). Такой принцип организации языкового сознания будем называть **полифоническим принципом**, имея в виду актуализацию диалогических отношений между невербализуемой языковой личностью и создаваемыми ее высказываниями и высказываниями реальной языковой личности, представленными в формате внутренней или внешней речи. Такие выводы позволяют нам сделать записи больного психозом, который отмечает, что на его произносимые и непроизносимые реплики в ответ актуализируются невербализуемые высказывания, создаваемые в его языковом сознании, так как непроизносимые реплики никто не слышит, но голос на него реагирует. Другим проявлением психоза является появление голосов, принадлежащих конкретным людям, с которыми носитель языка знаком, или высшим силам. Записи больного психозом свидетельствуют о том, что и голоса реальных людей, и голоса высших сил, которые слышит реальная языковая личность, есть продукт измененного языкового сознания, то есть эти голоса – невербализуемые высказывания, порождаемые самим языковым сознанием реальной языковой личности. Так, например, в дневнике больного психозом есть одна запись, сделанная в психиатрической больнице, в этой записи говорится о том, что носитель языка разговаривал с Богом и Бог прокомментировал невербальную реакцию реальной языковой личности, которая подошла к другому пациенту и поправила одеяло на его кровати. Голос Бога сказал: «Ну за чем так-то, N (обратился по имени. – *Н. Ш.*)».

Термин «полифония» означает многоголосие. Он широко используется в литературоведении и в языкознании для обозначения диалога голосов в художественных текстах [Бахтин 1972; Кристева 2000] или в повседневных

текстах (личностно-ориентированных дискурсивных практиках) [Тубалова 2016]. В нашем исследовании данный термин будет использоваться для обозначения диалога невербализуемых голосов, наблюдаемых в языковом сознании при проявлениях психоза, с реальной языковой личностью. Уместным представляется высказывание Д.Л. Спивака, согласно которому при измененных состояниях языкового сознания «язык настолько прозрачно передает структуру мышления, что их можно легко установить на основе языка, не опасаясь искажений» [Спивак 1986: 50]. В нашем случае диалогические высказывания, возникающие в результате коммуникативного взаимодействия невербализуемой личности и реальной личности, дают основание говорить о диалогической (полифонической) структуре мышления языковой личности как результате ее измененного языкового сознания. Материалом для анализа послужили записи больного психозом, фиксирующие невербализуемые высказывания, создаваемые в его языковом сознании в период заболевания. Общее количество ситуаций, спровоцировавших появление невербализуемых высказываний, составляет 50 единиц.

1. Анализ дневника дает основание для вывода, согласно которому невербализуемые высказывания как проявление полифонии языкового сознания создаются в ситуации ответа (о диалогической ситуации как ситуации ответа см. в [Шпильная 2015; 2016]). Невербализуемая языковая личность в некоторых коммуникативных ситуациях является инициатором диалога, а в некоторых является адресатом диалога, в последнем случае она либо комментирует действия носителя языка, либо комментирует его озвученные или внутренние реплики. Приведем примеры коммуникативного взаимодействия реальной языковой личности и невербализуемой языковой личности. Записи приводятся из дневника больного психозом.

2. Ситуация № 1. *Ситуация в кинотеатре.*

Я повернулась, чтобы посмотреть на тех, кто сидел позади меня. Голос сказал мне: «Еще раз повернешься – убью».

В данном случае мы видим реакцию на невербальное поведение языковой личности.

3. Ситуация № 2. *Разговор по телефону с матерью.*

Я разговаривала с мамой по телефону. Сказала маме, что я устала, лягу спать пораньше. В этот момент голос сказал мне: «Врешь, сука, все ты врешь. Маме врешь...».

4. Ситуация № 3. *Перед сном.*

Я лежала на кровати, хотелось спать. Но надо было встать и выключить свет в ванной, я боялась встать, потому что в комнате было темно, боялась услышать голос. У меня мелькнула мысль «Сейчас встану, снова голос появится». Голос сказал кому-то: «Она нас боится, она боится встать». Я подумала и сказала внутреннему голосу: «Еще раз что-нибудь скажете, я разозлюсь и вам мало не покажется. Я ясно выразилась?». На это голос мне ответил «N. (обратился по имени – Н. Ш.), не бойся, мы будем молчать».

5. Ситуация № 4. *В разговоре с психотерапевтом.*

Я испугалась голоса и поехала к психотерапевту, я думала, что он сможет мне помочь. Разницу между психотерапевтом и психиатром я не знала. В разговоре с психотерапевтом голос сказал мне: «Не говори больше ничего о нас».

6. Ситуация № 5. *В палате психиатрической больницы.*

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, Бог сказал мне: «Подойди к окну и посмотри на улицу, там стоит Миша (вероятно, речь идет о человеке, с которым знакома реальная языковая личность. – Н. Ш.)».

Как видим, невербализуемые высказывания создаются либо как ответные высказывания, они могут быть инициированы невербальным поведением языковой личности, ее внутренней речью или вербальными высказываниями, либо как инициативные высказывания.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что измененные состояния языкового сознания при психозе могут быть рассмотрены как проявление полифонии языкового сознания, появления в нем невербализуемых высказываний невербализуемой языковой личности.

Невербализуемая языковая личность – это особый тип языковой личности. Она создает невербализуемые высказывания как реплики, инициирующие общение или действия реальной языковой личности, или как ответные реплики на невербальное поведение последней, ее внутреннюю или внешнюю речь.

Изучение невербализуемых высказываний представляет интерес для лингвистики диалога, теории измененного языкового сознания, клинической лингвистики и психиатрии.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 464 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.

Сивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 50-57.

Сивак Л.И., Сивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Т. 1. 1996. № 4. С. 48-55.

Сивак Д.Л. Измененные состояния сознания. Психология и лингвистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Ювента, 2000. 296 с.

Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2016. 539 с.

Шпильная Н.Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 219 с.

Шпильная Н.Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дисс. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2016. 623 с.

N.N. Shpilnaya (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

POLYPHONY OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS DURING PSYCHOSES

The article for the first time presents the analysis of the language consciousness of the informant in the state of psychosis – a deep pathological psychic disorder accompanied by delirium, hallucinations of the sick person who can hear certain voices. In the research paper the emphasis is on linguistic description of the problem of formation of nonverbalizable statements which appear in the language consciousness of the informant and enter dialogic relations with nonverbal behavior of the language personality, their internal or external speech. We suggest calling such a principle of organization of the altered state of consciousness the polyphonic principle of organization of the language consciousness.

Key words: altered state of consciousness, polyphony, nonverbalizable statement, nonverbalizable language personality, psychoses.

ХИ. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

*Л.И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ В ИНТЕРАКЦИИ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ

В фокусе исследования находятся наиболее дискуссионные вопросы, связанные с изучением соотношения языка и невербальных кодов в коммуникации. Анализируются причины, по которым максимально адекватной единицей изучения поставленной проблемы признается интеракция между носителями культуры.

Ключевые слова: культурный код, язык как средство познания и коммуникации, средства объективации сведений, механизмы вербализации сведений.

Способы и средства объективации сведений о мире на актуальном витке познания изучаются как соотношение культурных кодов. И хотя библиография по проблеме весьма обширна и уже получены довольно серьезные результаты, позволяющие прояснить многое в анализируемом проблемном поле, все еще остаются многочисленные вопросы, решение которых поливариантно. Формат публикации не позволяет детально остановиться на анализе разных позиций, поэтому целесообразно акцентировать отдельные аспекты, учет которых обеспечивает выработку стратегии исследования, максимально адекватной сущности изучаемого феномена.

Теоретически к решению этой проблемы имеются два подхода, различить которые можно по целеполаганию исследования. В первом случае исследование фокусируется на свойствах кодов и их проявлениях независимо от особенностей среды и функционального потенциала. Во втором случае исследователь концентрируется на характере когнитивной и коммуникативной задачи и разнородных особенностях коммуникантов, задействующих средства разных кодов при взаимодействии в конкретных условиях. Наиболее перспективным, думается, следует признать второй подход как максимально адекватный сущности кодов и сути культуры.

Код как система правил соотнесения означаемого и означающего и конвенций, позволяющих носителям культуры использовать знаки и комплексы знаков и трактовать их использование в определенной среде. Сказанное означает, что, во-первых, с помощью средств кодов носители культуры решают коммуникативные и когнитивные задачи. Поэтому изучать соотношение кодов необходимо именно в интеракции, которая представляет собой совокупность речевых и неречевых действий, осуществление которых подчиненно одной цели. При динамическом и статическом аспекте изучения интеракции необходимо сознательно принимать во внимание, что все речевые и неречевые действия когерентны. Следовательно, данное обстоятельство нельзя не учитывать при анализе соотношения кодов в интеракции. Во-вторых, очевидно, что одна и та же когнитивная и коммуникативная задача в культуре может решаться многочисленными способами и разнообразными средствами, из которых носители культуры в конкретных условиях выбирают те, которые они считают наиболее эффективными. В-третьих, функциональная нагруженность кодов в интеракции того или иного типа не может быть идентичной в силу подчиненности всех действий достижению одной цели. Следовательно, при анализе соотношения кодов требуется выявить основания для выбора коммуникантами конкретных средств из комплекса изофункциональных и описать последний. Целесообразно не упускать из поля зрения, что средства невербальных кодов распределяются по разным функциональным классам, которые у разных исследователей не тождественны ни в качественном, ни в количественном отношении.

Все способы объективации сведений о мире можно разделить на регулярные (с довольно жестким функционалом и строгой сферой функционирования) и нерегулярные (спорадические и/или случайные, но, тем не менее, при определенных условиях изофункциональные регулярным). К первым следует отнести конвенциональные и неконвенциональные способы в зависимости от функциональной нагруженности средств кода при решении коммуникантами той или иной коммуникативной и когнитивной задачи и среды функционирования средств объективации сведений о мире. То, что объективировать сведения о мире можно не только регулярными средствами объективации, важно учитывать, так как не все имеющиеся в культуре средства фиксации знаний о мире складываются в культурные коды, хотя все они несут для носителей культуры значимую информацию. Ср., например: фасон платья явно несет сведения о личностной идентичности конкретного носителя культуры,

но не связан причинно с культурно специфическими особенностями среды и коллективной идентичностью коллективного субъекта. Однако особенности униформы полицейского однозначно информируют прежде всего о коллективных представлениях в культуре.

Все гетерогенные, гетерохронные и гетеросубстратные сведения о мире организованы в картину мира (Е.С. Кубрякова), они структурированы по разным основаниям, доступ к которым также различен. Эти сведения можно распределить на объективируемые в конкретной интеракции и имплицитные, без активизации которых невозможно осуществлять концептуализацию и категоризацию воспринимаемых сведений. Объективироваться гетерогенные сведения могут средствами языка и других невербальных кодов, сколько бы кодов и по каким бы критериям не выделяли исследователи. Культурные коды способны фиксировать, хранить, транслировать разнородное знание о мире, причем не только то, которое актуально и синхронно для конкретной коммуникации здесь и сейчас, но и знание устаревшее или гипотезы, которые, вероятно, будут верифицированы в близком или далеком будущем.

В языке как культурном коде имеются для объективации сведений о мире и/или активизации последних многочисленные механизмы вербализации сведений о мире, которыми располагает язык в тот или иной период своего бытования в культуре. Все механизмы вербализации целесообразно объединить в отдельные группы в зависимости от сферы их проявления, функционала и сущности: формально-структурные, лексико-семантические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, текстограмматические, которые в свою очередь можно тонко дифференцировать по разным основаниям. Эти механизмы объективируют коммуникативно значимые сведения, востребованные при решении конкретной коммуникативной задачи, а также активизируют и со-активируют сведения, без которых нельзя концептуализировать и категоризовать воспринимаемые сведения в любом акте коммуникации. В реальности и коммуниканты, и исследователи имеют дело с деятельностью по использованию средств кодов или с результатами этой деятельности. Поэтому все имеющиеся в языке механизмы вербализации сведений о мире подчинены текстограмматическим, с помощью которых порождаются и воспринимаются разнообразные тексты. Из этого следует, что максимально адекватной единицей для изучения соотношения культурных кодов будет анализ этого соотношения в интеракции.

Минимальная относительно автономная единица коммуникации – текст того или иного типа, который фиксирует коммуникативный результат. Минимальное материальное воплощение текста языковыми средствами – предложение/высказывание, которое обладает структурой, семантикой, функциями (коммуникативной, когнитивной, номинативной) и сферой функционирования, которая известна всем носителям языка и культуры. В стандартном случае содержание предложения – это пропозиция, которая в коммуникации выражается первичными и/или вторичными средствами. Первичный способ – финитная конструкция, вторичный – композит разной словообразовательной структуры, группа слов (субстантивные, адъективные, партиципальные, инфинитивные и др. со своей структурой). Предложение состоит из членов, которые могут выражаться одной словоформой, группой слов разной структуры, финитной конструкцией. С точки зрения содержания каждый член предложения объективирует тот или иной компонент пропозиции, в форме которой хранится знание о ситуации. Причем предложение может быть монофинитным и монопрозитивным, монофинитным и полипрозитивным, полифинитным и полипрозитивным. Сказанное касается как пропозиций типа $P(x)$, так и пропозиций типа $R(x,y)$, $R(x, y, z)$.

Одна и та же пропозиция выражается разными структурами с разными формальными и содержательными характеристиками: глагольными, субстантивными, адъективными, которые различаются синтаксической, логической семантикой, хотя и обладают тождественным комплексом семантики. Каждое предложение как функциональная, содержательная, формальная, коммуникативная целостность обладает семантикой, которую лингвисты описывают через синтаксические категории: коммуникативное намерение, позитивное/негативное высказывание, тема-ремагическое членение, темпоральность, модальность, нумеративность, персональность, генеративность, аспектуальность. Комплекс средств выражения разных синтаксических категорий представляет собой пересекающиеся множества определенной структуры, например, темпоральность и модальность, персональность и нумеративность и т. д. Поэтому при изучении соотношения языка и невербальных кодов вряд ли корректно отождествлять морфологические и синтаксические категории (например, аспект и аспектуальность, время и темпоральность, залог и генеративность), во-первых, и жестко привязывать невербальные средства разных функциональных классов к определенным морфологическим сущностям (например, опре-

деленный жест – к морфологической форме глагола и только этой словоформе – даже без учета того, что последняя может быть синтетической или аналитической), во-вторых.

Средствами выражения синтаксических категорий являются равноуровневые языковые средства, которые тесно и причинно взаимодействуют друг с другом, что непременно сказывается на рецепции высказывания; ср.: *Завтра я иду в театр – «Завтра была война», От перемены мест слагаемых сумма не меняется*: материально одна и та же грамматическая форма активизирует разные представления о членении временного континуума и о времени совершения действия, обозначаемого лексемой определенной лексической семантики. И хотя средства выражения синтаксической категории могут быть первичными и вторичными, синтаксическая семантика объективируется одновременно комплексом лексических, морфологических, словообразовательных, формально-структурных, синтаксических способов и не локализуется по этой причине в одном члене предложения, но присуща всей коммуникативной единице как семантической, синтаксической, функциональной и коммуникативной целостности. Например, *Текст можно перевести без словаря – Эта тема диссертательна – Эта тема может стать темой диссертации* и т. п.: пассивность (безагентивность), потенциальность, темпоральность, возможность и др. типы семантики однозначно присутствуют в приведенных предложениях, но как их строго разграничить? Кроме того, в этой целостности взаимодействуют разные типы семантики: синтаксическая, функционально-семантическая, логическая (классификация, идентификация, характеристика). Следовательно, настоятельно необходимо разработать процедуры отграничения средств одного культурного кода от другого, процедуры вычленения одного конкретного кода в реальной коммуникации из комплекса всех задействованных в интеракции, процедуры надежной верификации предлагаемых трактовок.

Сказанное означает, что невербальные коды, задействованные в коммуникации, целесообразно развести на две группы: те, которые могут быть привязаны к конкретному члену предложения – именно к члену предложения, а не к словоформе, так как член предложения может выражаться и несколькими словоформами, например: *Петру* или *для Петра – для моего друга Петра*; и те, которые нельзя или весьма сложно локализовать в той или иной части высказывания либо они соотносятся с высказыванием в целом.

Таким образом, очевидно, что проблема соотношения языка и невербальных кодов в интеракции, по сути, все еще находится на стадии разработки наиболее значимых входных процедур, несмотря на интенсивное внимание к соответствующим вопросам.

*L.I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University
grischaewa@rgph.vsu.ru*

WAYS OF OBJECTIVIZATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD IN INTERACTION

The study focuses on the most controversial questions referring to the issue of correlation of verbal and non-verbal codes in communication. The author analyses the reasons which make interaction between members of particular culture(s) the most adequate unit of analysis within the issues discussed.

Key words: culture code, language as a means of cognition and communication, means of knowledge objectivization, means of verbal expression of knowledge.

*О.Г. Дубровская (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
o_dubrovskaya@inbox.ru*

КЛАСТЕРНАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ

Кластерная модель коммуникации рассматривается в контексте познавательных способностей человека – носителя определенного языка и социокультуры. В центре кластера располагается субъект с его потребностями, целями, намерениями, задачами, которые, в свою очередь, предопределены структурой и содержанием метаконцептов как «надзнаний», представленных схемами структурирования, классификации и интерпретации общих знаний, присутствующих в сознании субъекта в момент построения дискурса. В работе демонстрируются возможности коммуникативного кластера и объясняются причины межкультурного непонимания.

Ключевые слова: кластерная модель коммуникации, метаконцепты, социокультурная специфика дискурса.

Моделирование как важный способ объяснения явлений, осуществляемый с целью предсказать поведение изучаемого объекта, позволяет воспроизвести особенности одного объекта с помощью другого и представить его составные компоненты и функциональные характеристики в виде некоторой схемы, описания и др. В теории коммуникации известны общие и частные модели, статические и динамические. Все они ориентированы на решение конкретной исследовательской задачи и отражают научную парадигму того или иного времени и автора: *линейная модель* математика К. Шеннона и свойство избыточности как фундаментальное свойство человеческого языка, *модель коммуникации в сфере политики* Г. Лассвелла и роль коммуникатора, сообщения, канала, получателя и последствий коммуникации, *функциональная модель* Р. Якобсона и роль пользователя языка как включенного наблюдателя. Среди динамических моделей наиболее известны модели Н. Виннера с компонентом feedback (обратная связь), М.М. Бахтина с понятием «адресованность высказывания», Ю. Кристевой с понятием «интертекстуальности» и др. (подробнее см.: [Кашкин 2007]).

Цель данной работы – обосновать кластерную модель коммуникации в контексте данных и достижений когнитивной лингвистики.

Кластерная модель коммуникации – это объединение однородных, самодостаточных, взаимосвязанных и взаимодополняемых компонентов, основанное на общности их функций (служить фильтрами и «наполнителями» содержания дискурса и его структуры). Компоненты в кластере работают совместно по принципу «возбуждения-торможения» и эксплицитно могут быть не вербализованы, но определяют индивидуальность процесса коммуникации и дискурса ее участников. Преимущества такого понимания коммуникативного процесса и кластерной модели обеспечиваются ее способностью объяснить индивидуальность дискурса и причины непонимания за счет расхождений в концептуальных системах коммуникантов. Модель «вскрывает» компоненты (метаконцепты), сочетание которых и обеспечивает индивидуальность дискурса, его социокультурную специфику.

Дискурсивное поведение субъекта представляет собой последовательность когнитивных действий и решений, оформленных с помощью языка.

Язык выступает средством социализации субъекта, с помощью языка субъект интегрируется в систему социального взаимодействия. Дискурсивное поведение субъекта – это его код, который отвечает за индивидуальность результата дискурсивной деятельности в виде дискурсов и текстов разных форматов и жанров. Дискурсивная деятельность проходит сквозь метадискурсивные фильтры – метаконцепты, которые в кластерной модели коммуникации являются компонентами коммуникативного процесса: РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ [Дубровская 2014].

В центре модели располагается субъект с его интенциональными, эмоциональными особенностями, потребностями, с его целями, желаниями и задачами, которые формируются и в той или иной степени обуславливаются социокультурными факторами.

Кластерная модель коммуникации когнитивна по сути. В ее основе лежит принцип обмена знаниями, взаимодействие, адаптация, трансформация, переструктурирование концептуальных систем коммуникантов, которые, в свою очередь, сформированы социокультурными знаниями и средой проживания. В процессе коммуникации субъекты репрезентируют знания, которые хранятся в виде метаконцептов. В качестве «надконцептов» они являются схемами структурирования, классификации и интерпретации общих знаний, присутствуют в сознании человека в момент построения дискурса и образуют его метадискурсивное содержание, то есть дополнительное к основному содержанию дискурса. Надстраиваясь над любым содержанием дискурса, эти социокультурные знания формируют его социокультурную специфику.

Приведем примеры активизации метаконцептов как социокультурных знаний в области межличностного общения (1), перевода как вида межкультурного общения (2) и межкультурной коммуникации (3а, б).

(1) Miss Kenton: *Mr. Stevens, I thought these flowers might brighten your parlor a little.*

Mr. Stevens: *I beg your pardon?*

Miss Kenton: *I thought it might cheer things up for you.*

Mr. Stevens: *Oh, that is very kind of you.*

Miss Kenton: *If you like, Mr. Stevens, I could bring in some more cuttings for you.*

Mr. Stevens: *Thank you, Miss Kenton, but I regard this room as my private place of work. And I prefer to keep distractions to the minimum.*